

1973

13 февраля

10-го февраля я на Мойке, в доме Пушкина, в его кабинете, где он скончался. Минута молчания, свеча, зажженная на его рабочем столе. Потом во дворе: «говор, давка, пробиться нельзя». Читал в доме «Безумных лет угасшее веселье...», во дворе – «Пророк». Оттуда – к Браунам.

В день отъезда 12-го февраля я в редакции «Авроры». Тоже читал стихи. А вечером в БДТ смотрел Михаила Булгакова «Мольер». Очень интересный спектакль. Ясно, что Булгаков писал о себе, как драматурге. Ставил и играл Мольера Сергей Юрский.

Провожали на вокзал Таня Калинина и Лида Гладкая¹. Вагон ужасный. Спал плохо. Теперь зеваю, как собака, которую не берут на прогулку...

14 февраля

Вернулся из поликлиники. Завязаны два пальца, два фурункула: один назревший, другой только намеченный. Гиллер уверяет, что через неделю все это кончится, что надо есть овощи: морковь, свеклу. Стану я жвачным животным на старости лет. Все это скучно и тошно. Даже часы на запястье не наденешь, тащи их в кармане.

Ненадолго зашел Володя Орлов, говорил, что кое-какие надежды на будущие книги у него все-таки возникли. Кто-то «сверху» мешает, считая его до сих пор опальным после истории с библиотекой поэта.

Я обещал Якову Белинскому² рецензию на его последнюю книгу. А 25 лет назад, в 1947 году, после войны я редактировал первую его книгу. Сколько с тех пор у него вышло? Кажется восемь. Книгу Я. Белинского начал читать. Много интересного. Он прошел войну и сейчас я ищу в стихах отголоски 41–45 годов: они есть. Он не одержим войной, как Межиров, не продолжает работать над военным материалом, как Симонов, просто помнит о войне и этого достаточно.

На столе приглашение на сегодня – вечер Брехта в ЦДЛ, председательствует Симонов, а читают Товстоногов и Юрий Любимов. Это очень интересно, но идти туда с моей рукой – невысказано, к тому же я уже опоздал.

15 февраля

Еще одно пребывание в поликлинике для перевязки с мазью и двумя дощечками продолжалось около часа. Гиллер надеется, что через неделю все пройдет. А пока я беспомощен. <...> Приходила девушка из Донецка, Лариса Любина: пишет о моих переводах Гюго, это ее дипломная работа.

17 февраля

Ихтиоловая мазь сильно дает знать о себе, жжет и разъедает кожу. Наверно, это полезно, но спастись с дощечкой на левой ладони невозможно. Вертелся, кряхтел и уснул только под утро, чувствую себя поганом.

Перечёл инсценировку: кажется, довольно складно, хотя и меньше ста страниц, которые нужны Корогодскому. Но это уж его дело растянуть паузами, пантомимами. Одна из них у меня уже есть, ею можно продлить действие минут на десять.

Получил два письма. Одно без адреса, без подписи, в нем восхваление III тому. Другое из села на Украине: просят мои воспоминания о Марине Цветаевой и Багрицком. Ответил, что когда выйдет IV дом, пришлю машинописные копии статей. <...>

Все уезжают на Пахру. Останусь один с Варварой. Сейчас 20 минут восьмого. Слишком велик день! По телевидению смотрел кусками «Человек в футляре». Из актеров узнал только Фаину Раневскую, Грибова, Жарова. И, конечно, Фаина Георгиевна – звезда надо всеми. Как ни верти, день все-таки закончен. Сейчас 20 минут 12-го. Завтра в 9 часов я должен быть готов, чтобы ехать в семьжды проклятую поликлинику, потом на Беговую³ за книгами – всё для других, мне пока ничего не нужно. Зеваю и заканчиваю эту страницу.

19 февраля

Сегодня В. Гиллер вскрыл нарывы. Больно не было. Но рука снова завязана и, ко всему прочему, на перевязи на шее. <...>

Сейчас звонил ученик Юры Завадского, который хочет ставить у себя на курсе «Вийона». На старости лет я дождался наконец, что вот уже двое хотят ставить «Вийона». Что будет в Новосибирске не знаю, а москвич на глазах у Юры, значит можно во что-то верить.

<...> Смотрели фильм «Бег» Булгакова. Фильм замечательный. Завтра продолжение. Все: Ульянов, Евстигнеев, Ефремов, Дворжецкий, Алялин, – играют хорошо. Но выше всех и всего сам Михаил Булгаков.

20 февраля

Опять в поликлинике, опять перевязка с двумя палочками. Уверяют, что скоро все эти кровавые раны затянутся. Хотела прийти Сашура, но пока никаких сигналов от нее. Хотел прийти вечером ученик Юры Завадского, вздумавший ставить «Вийона», но тоже сигналов нет как нет! На книжной базе купил довольно много книг, часть из них для Сашуры. Сашура была и только что ушла. Смотрели вместе с ней вторую часть «Бега», раздирающего до ужаса, а потом отрывками «Таланты и поклонники» Островского. Весь дом уже спит, а я еще посижу: по возможности разберусь в книгах, которые сегодня привез.

22 февраля

В клинике еще раз та же процедура. Звонил Женя Евтушенко: завтра выходит «Лит. Россия» с его статьей обо мне. Из Ленинграда письмо о том, что у меня в сказке о Гоголе ошибка: театр не Александрийский, а Александринский. Я ответил благодарностью.

Весь вечер был у меня Володя Медведев, показывал свои иллюстрации к Мицкевичу (в этом году ему 175 лет, старше Пушкина на год). Иллюстрации прекрасны: глазным скальпелем он вырезает ювелирные фокусы из черной бумаги – их 24. Как они будут выполнены в печати трудно сказать. Так на меня еще одно дело навалилось: написать, слава богу, коротко об этих рисунках в «Советской культуре».

Снова звонил Женя Евтушенко: он согласен выступить в ВКШ (Высшая Космомольская Школа. – Сост.) в марте.

24 февраля

День начался со звонка Юры Завадского: растроган до слез статьей Евтушенко обо мне. Три письма пришли от Наталишки, Зубова и поэта Ивана Демьянова. На все три ответил. Потом Женя звонил, и я очень благодарил его за статью. Он говорит, что впервые в нашей прессе допущено слово «гениально» насчет Босха. Ну что ж, будем считать что он прав. Надо хоть начать статью об Якове Белинском. Но никакой статьи я так и не начал, и день совершенно пустой.

Жду звонка от Сашуры. А телефон непрерывно занят. У Кипсы часовые переговоры, но я терплю и жалею её: она больна, ей хочется общаться с друзьями, которые не могут сюда прийти.

День кончился «Балладой о солдате», фильмом действительно замечательном, и песней прелестной француженки, а потом очередной ссорой между Кипсой и Катей. У моей внучки невозможный характер. В будущем это многим грозит.

25 февраля

Был поэт Геннадий Красников. Я бегло прочитал его стихи: неплохо, но не всегда грамотно. Больше ничего не скажешь. Отправил письмо Лене и Анатолию Гольдичам, которые если не обижены, то огорчены тем, что я, будучи в Ленинграде в январе, не был у них. А дальше – пришла Сашура и взяла свой экземпляр статьи Евтушенко. Потом мы с нею сделали хороший круг от дома через церковь Успения на Могильцах и пришли домой. Минут двадцать назад она ушла. Моя дочь укладывает Дениску спать. Андрей и Катя ушли на «Короля Лира».

Главное за день: Нат. Злотников принес письмо от наверно постаревшего за 31 год лейтенанта, который знает, КАК ПОГИБ ВОВА ОТ ПУЛИ НЕМЕЦКОГО СНАЙПЕРА. Ко всему, что я уже знал, прибавил еще ОДНО СВИДЕТЕЛЬСТВО – ТОЧНОЕ. – ВОВЕ ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ В ОКТЯБРЕ. КАКИМ БЫЛ БЫ ОН?

28 февраля

Звонила Сашура, просила, чтобы выступление в ВКШ состоялось до женского дня 8-ого марта. Звонила Таня Калинина. Работает сейчас в Ленинке. Франкмасонство – это новое поручение на Мойке. Значит её ценят там: знает французский язык, может быть, и итальянский и испанский. Должны прислать из

граммзаписи для утверждения мое вступление к пластинке Кулиева. Хоть это одно я успел за февраль.

Звонил Женя Евтушенко о журнале «Мастерская». В редколлегию из стариков он включил Степана Щипачева и меня. Условились, что 5-го марта он выступит в ВКШ.

День кончился длинным, мало занимательным, старым детективом «Дело пестрых» по телевидению. <...>

1 марта

В поликлинике отделался одной новой перевязкой. Резиновый напальчник нужен только для мытья. Мечтаю о ванне. Шлю телеграмму Сашуре насчет 5-го марта, не надеясь на ее скорый звонок. Для нее достал двухтомник Заболоцкого, Ремарка и детектив. Только что была и ушла Нина Михайловна по поводу пластинки Кайсына Кулиева и моей статьи о нем. Я все принял и одобрил. Звонила Сашура о выступлении Жени в ВКШ 5 марта. Она настаивает на малом числе слушателей. Думаю, он не будет возражать. <...>

3 марта

Сегодня 50 лет театру Завадского. Я могу только отослать поздравление в стихах и уже сочинил их. Николай Никифорович отвезет их в Театр, чтобы передали Юре.

5 марта

Еще одна перевязка в поликлинике. Рана явно заживает, но сестрица Таня думает, что еще неделю мои поездки туда продлятся. Два письма: от Вс. Рождественского и от дамы из Днепропетровска, которая написала с возмущением о выражении лица Пушкина на каком-то злополучном конверте.

Зашел на несколько минут Юра Завадский. Взял инсценировки «Московский комороха» почитать. На него надеюсь так же мало, как на Корогодского. Мне в театре всегда не везло, и это продолжается по сей день.

В ВКШ Женя был в ударе, много читал, в основном стихи, которые нельзя печатать. Тут он был прав. И если среди слушателей и был какой-нибудь стукачок, все равно Женя был прав. Я читал Пушкина и напоследок «Я люблю тебя в дальнем вагоне» – из своего.

6 марта

День начался с того, что я все-таки кое-как помылся под душем. А следом позвонила Сашура. Просила, чтобы Евтушенко достал для нас с ней два пропуска или билета на Таганку, на спектакль о Пушкине. В середине дня я еду в «Новый мир» со статьей о Белинском, потом – в УОАП (Управление по Охране Авторских Прав. – Сост.) за деньгами. Неожиданностей не жду.

А неожиданным был Савва Головановский, с которым я съездил в «Новый мир», потом в УОАП. Во дворе у «Нового мира» мы ели выволокли машину, положив под колеса две палки. Помогла изобретательность Саввы и сила Николая Павловича. Получил верстку своих воспоминаний о Багрицком из «Сов. писа».

7 марта

В поликлинике еще одна, более облегченная перевязка. Отпущен до 12-го. Завез в «Сов. пис.» свои исправленные воспоминания о Багрицком. Только что звонила вдова Александра Макарова⁴, Наталия Фёдоровна. Она делает альбом памяти мужа. Надо мне хоть немного написать о двух встречах с ним: на ул. Щукина после войны, когда я читал им «Сына», и на 3-ем совещании молодых, когда Макаров хорошо говорил о Евтушенко, Белле, Вознесенском и Окуджаве. В те времена это было дело нелегкое.

Была Сашура, вместе смотрели вторую часть «Салют, Мария». Недавно она ушла, поймала такси. Взяла все книги, кроме Жуковского. Но горькое, очень горькое чувство остается у меня от ее прихода, ухода и всего, что сказано, недосказано и совсем не сказано ею и мной. Наверно, пора мне забыть этот вздор, может быть и не встречаться с нею, если хватит характера. А может быть, наоборот: ко всему относиться легче. Это, по крайней мере, я смогу.

8 марта

Утром в Вострякове. А там, у Зои, в ее последнем бессмертном жилище – все, как было: новые свежие цветы, не стареющие елочки, холодный барельеф. Я дотянулся, чтобы поцеловать ее бронзовую руку. Еще одно пребывание у Зои закончилось. Когда опять? Наверно, в апреле.

9 марта

С утра был в мастерской у Ефанова; он кажется, удачно набросал углем мой портрет. Говорит: «Сходство – это последнее и легкое дело, сейчас надо передать движение». Посадил меня в пальто и в берете на стул, чтобы я откинулся. Ему надо побывать на ул. Щукина посмотреть на «Медного всадника», на французские книги, на Мефистофеля, – на весь мой интерьер.

Потом очень недолго был у Наталишки. Она беременна. Муж – Томас, сын Венцлавы.⁵

Этот смутный день кончился программой «Время» и двумя частями «Иркутской истории» Арбузова. Хуже всех был он сам, как чтец своей пьесы, в общем глупой. Играли хорошо Лановой и Шалевич. Борисова, как всегда, хороша, пока молчит, слушает или пляшет. Речь ужасная, писклявая, но плачет верно и правдиво. Арбузов толстый, одевает очки, чтобы читать свой же текст. Это кокетство, оттого что он обязан знать его наизусть и, наверно, знает. Сейчас уже без пятнадцати 11. <...> Спать буду до помрачения рассудка. Завтра – никуда. А в воскресенье к Ефанову и к Наталишке – провожу ее на Белорусский вокзал.

Варвара где-то играет в лото, но заночует дома. Катя где-то гуляет, придет поздно.

10 марта

Только что был и ушел сын Поздняева, Михаил, читал «Венок сонетов», посвящённый Шагалу. Это неплохо. Есть некоторые неграмотности и безвкусица, но вообще перспективно. Ужасная шевелюра, которую необходимо остричь. Обещал это сделать. Так начался этот день. И в чем-то запланирован завтрашний: надо заехать за Ефановым, с ним на Масловку.

Сашуры нет. Может быть, не могла дозвониться. Все телефоны сегодня в беспорядке: на четвертой цифре – короткие гудки: занята линия или скверная автоматика.

11 марта

Ефанов начал сегодня подмалёвку масляными красками. На его мастерство и уверенность я любовался. Очень мало, как-будто, сделал, но портрет оживает. Он повторяет, что сходство это последнее и самое легкое дело.

Нат<талья> О<гай> заболела, сегодня не уезжает. Необходимо решительно порвать с этим прелестным существом.

Радуюсь, если мимолетно промелькнет во сне память о Зое. Она была единственной на моем пути. Остальные женщины ничего не значили или значили очень мало и всегда временно.

Ну вот, была Сашура, провела со мной четыре часа с лишним, только что ушла. Мое солнце было сегодня в зените до вечерней темноты. И, что ни говори, она существует – хотя бы как друг и, наверно, я нужен ей как никто другой – просто она верит мне, а любви и не надо. На этом мой день кончен.

12 марта

С утра пришли наконец из «Современника» и взяли верстку. Надеюсь, что книга все-таки выйдет к лету. У Ефанова я поневоле пробыл больше, чем надо. Ничего особенного он не сделал, продолжал полегоньку подмалевку – все это очень мастеровито и тонко. Потом я поехал в поликлинику, и это уже последний раз. Мне наклеили лейкопластырь. Его можно менять сколько угодно. На этом конец эпопеи, продолжавшейся с 14 февраля, т. е. почти месяц. Продолжаю статью о Фише. Завтра из Гослита пришлют корректуру моей статьи о Брюсове. Хоть это в движении.

13 марта

Получил книжку «Тайны огненной страны» некоего Павла Григорьевича Гинера, но прислал ее человек посторонний, может быть, работник издательства в Днепропетровске. Адрес его имеется, тоже днепропетровский. Обнаружил в ней

отмеченные пославшим две цитаты – эпитафии из меня, а сверх того такие же эпитафии из Ломоносова, Лермонтова, Твардовского и Мартынова.

Наконец-то решил отписать всю правду Вышеславскому⁶ о его статье, которая требовала моей подписи. Эта история завязана на дело с Виктора Некрасова⁷, в исключении которого из партии, по словам Саввы, принял участие и Вышеславский. Сколько тут правды, сколько сплетни – другой вопрос. Важно, что так выглядит это по словам честных людей. Савве я верю.

Закончил статью о Геннадии Фише. Завтра отвезу ее в «Неделю».

14 марта

Говорил по телефону с Асей Цветаевой. Завтра завезу ей письмо Бишук. От Тани Калининой очень милое и умное письмо. Написал ответ. Заходила Таня Фиш, прочла статью, довольна. От Сашуры никаких сигналов. Где она, что с нею – не знаю. Заходил еще парень из института проектирования городов. Там завтра вечер посв<ящённый> Парижск<ой> Коммуне. Он одолжил у меня роскошную французскую книгу о Коммуне. <...>

15 марта

Около полоннадцатого был у Ефанова. Василий Прокофьевич продолжал свое колдовство: лепку лица, уха и руки с палкой, все это движется у него само собой. То, что сделано, все время увеличивает сходство, намечен фон, пейзаж позднеосенний. Далее заехал в «Неделю». Из Тбилиси великолепный подарок от Балаушвили, которая пишет диссертацию о моих грузинских связях. Она прислала сборник «Дама под чинарой», где ее интервью со мною, а сверх того альбом цветных репродукций Елены Ахвледиани.⁸ <...>

По телевидению смотрели с Кипсой кусок какого-то ужасающего фильма. И Маркс (Кваша), и Энгельс (Андрей Миронов) смешны.⁹ Все очень убого. Хорошие актеры не могут спасти этой дряни. Сейчас близко к 9 часам и программе «Время». День кончен.

17 марта

Этот день грозит остаться пустым, тем более, что часть его я проведу совершенно один на ул. Щукина. Хотели было позвать Влад<имира> Мих<айловича>, но я отказался. Он – человек, от которого буквально отшвыривает как током: он добродушен, полон желания сделать что-то нужное и полезное, не навязчив. Но мне он, как мертвому припарка.

Снилось мне что-то смутное и ужасное: где-то в подсознании была Сашура, хотя и совсем не похоже на нее. Дочитываю роман Мерля: пустой, скучный и бездарный. Был у меня сын Завадского, Женя.¹⁰ Договорились насчет апрельского вечера в Театре Моссовета. Я прочту «Достоевского», «Сонечку Мармеладову» и то стихотворение, к-рое я послал Юре в день 50-летия театра.

И все-таки этот день во второй половине оказался красным! Сашура привела двух парней: одного – природного француза Remi, другого – Валерия

Михайлова, знающего немного французский язык. Мы ели Варин торт, пили водку.

18 марта

В 10 часов пришел поэт Евг<ений> Глушаков.¹¹ Я вернул ему его стихи. Он мало интересен и сам не понимает чего хочет. Звонил из Новосибирска Алекс. Алексевский, который хочет ставить «Вийона». Еще одна попытка, которая кончится ничем. Я звонил Брауну насчет мартовской «Звезды» с воспоминаниями Али Эфрон, но ему тоже трудно достать эти экземпляры. <...> Ответил на письмо Вол<оди> Орлова.

День кончился, как многие другие дни, у телевизора. Передача об Олеге Ефремове, его ролях. Много очень хорошего, но есть и пошлое: в конце монолог из какой-то современной пьесы о любви. Он портит все дело: не только пошло, но и глупо.

Читаю во второй раз роман Ремарка «Тени в раю» об эмигрантах Второй мировой в Америке. Бегло перелистал интересную книгу о девочке-испанке, попавшей в плен к индейцам, выросшей там, родившей нескольких сыновей и вернувшейся на родину, в Бразилию, где она узнала, что «у белых хуже».

21 марта

Письмо от Гали Умывакиной: выходит номер их журнала с моим стихотворением. Ответил, поблагодарив. Через учебную часть ВКШ я добился, чтобы Сашура позвонила. Она очень скоро откликнулась и пойдет со мной в Дом художников. Было интересно. Я очень коротко говорил и прочел два стихотворения о художниках. Договорился с ними о своем вечере в мае. В полдевятого пришла машина с Ник<олаем> Никифоровичем, и я отвез Сашуру в Вешняки.

22 марта

День начался со звонка к Булату Окуджаве: пригласил его (от имени Сашуры) в ВКШ в конце апреля или в начале мая. Он просит связаться с нашими бонзами, ссылается на то, что его, Евтушенко и Каверина не допустили участвовать в вечере Яшина. Я думаю, что срок больше месяца достаточен, чтобы это дело прояснилось. Но, в случае чего, можно обратиться хотя бы в бюро пропаганды и там получить путевку на это выступление в ВКШ.

Говорил с Наровчатовым¹² о сыне Аси Цветаевой¹³, о жилплощади для него в Москве: это дело хлопотное и долгое, но он обещал помочь. Известил об этом и Асю.

Купил блоковский альбом и англо-русский словарь для Сашуры, и Метерлинка (в старом издании), у нас его нет. Получил пенсию. Надо хлопотать в министерстве соцобеспечения о новой пенсионной книжке: теперешняя кончилась.

21 марта

Пришла женщина из Каунаса, работает там в республиканском музее литературы. Я дал ей кое-какой материал: фотографии А.Венцлавы и свои старые из «Недели» и журнала «Снова в Литве», маленькую книжку с фотографиями статуи М.М.Антокольского. Договорился с министерством соцобеспечения и шлю им корешок старой книжки, фотографию и заявление на новую. Закончил грустный роман Ремарка.

22 марта

Сашура пришла чуть ли не в шесть часов, так что успели выпить чаю и рано явиться в театр. Места были в ложе справа на уровне партера. Рядом сидела Сашура Ремизова.¹⁴ Две Сашуры были представлены одна другой. Спектакль мне понравился: Лановой, Борисова, Гриценко, Плотников – это настоящее. Николая играл не Яковлев (он болен), а Кацынский...

Было вызвано такси. Сашура проводила меня и айда в Вешняки...

23 марта

Вчера вечером звонила Надя, что Вас<илий> Прок<офьевич> заболел и сеанс отменяется сегодня. Пользуясь этим, я с утра начал делать свои дела. Позвонил Огневу и договорился, что после часу заеду к нему в «Юность», чтобы получить все книжки, связанные с «Дн<евником> читателя»; оттуда в «Новый мир», посмотрел, как выглядит статья о Белинском; наконец в «Лит. Россию», чтобы отдать все, относящееся к Рождественскому и его «Шкатулке памяти». И еще звонил С. Фурману: он тоже зайдет ко мне, я вручу ему пленки ВКШ на вечере Евтушенко: это поручение Сашуры. Хороших пленок очень мало, больше – бледные, но он сделает все, что возможно. Был еще Яков Белинский, прочел статью о себе.

24 марта

Со вчерашнего вечера меня скрутило: насморк, озноб. Утром проснулся и понял: я совсем болен. Откуда это? Была Лида Жданова. Мы долго и мирно пили чай, болтали, но мне становилось все хуже и хуже. Кипса и Катя уехали на Пахру: у Кати каникулы. Пришел Вл<адимир> Мих<айлович>, но как ни стыдно, мне с ним не о чем говорить и я боюсь, что он чувствует мою отчужденность. А болезнь во мне сидит – наверно, грипп. <...>

25 марта

На дворе прекрасная погода: солнце, 8° тепла. Делать мне ничего не хочется и не может. Белинский прислал очень справедливое и умное письмо. Чувствую, что действительно неверно написал о нем для «Нового мира». Надо в корне переделать рецензию и как можно скорее.

Это воскресенье было днем красным! Пришла Сашура, привела с собою француза Remi. Правда, ее приход сопровождался скрежетом Варвары, но все-таки мы вчетвером: Сашура, француз, Влад<имир> Мих<айлович> и я, – хорошо пообедали. Потом пришел Темина с дочкой, он и француз попили водки. Мы несколько раз снимались.

Была и Лида Жданова (после ухода всех), принесла стихи для «Дня поэзии». И все-таки в конце этого нелегкого дня я снова возвращаюсь к Сашуре. Отчего дни без нее – это дни тоски? Они кажутся потерянными. Может быть, это самогипноз и я только внушаю себе то, чего нет на самом деле? За эти годы прошли столькие увлечения, кончавшиеся ничем. А она, Сашура, как впервые явилась на ул. Щукина весной 70-го года, так и осталась возникновением (это ее слово). Тут ничего не изменилось, только растет, укореняется, крепнет, несмотря на безнадежность.

26 марта

В течение утра я успел сделать два безусловно нужных дела: исправил рецензию на Белинского и дописал статью о Рождественском с ссылкой на его книгу «В созвездии Пушкина». Остается врезка к стихам Темина для «Вечерней Москвы» и стихам Л. Ждановой для «Дня поэзии». Первое ждет среды, второе надо сделать сегодня же. Из «Лит. России» был курьер, взял мое добавление к статье о Рождественском. Была Лида Жданова, принесла шампанское и миног. Мы вместе обедали. <...> А вот что мне делать с моими стихами, в каком виде я дам их в «День поэзии», совсем не знаю.

27 марта

<...> Был Толя Миндлин, дал прочесть написанное им о Вове. Это очень душевно, но слишком много цитат из поэмы (поэмы П.Г.А. «Сын». – Сост.). Он согласился большую часть убрать. Обещал узнать точные данные о могиле в деревне Сусея у речки Ресета. У него есть такая возможность. Был и Володя Орлов. 2-го апреля заседание комиссии по наследству Марины Цветаевой в доме 52 на ул. Воровского. Оба ушли. Я остался с Влад<имиром> Мих<айловичем> и Варварой. Тошная жизнь.

28 марта

С утра думал было пойти на пленум Правления СП. Он сегодня начинается в 11 ч. утра. Но Ник<олай> Пав<лович> болен, а Ник<олай> Ник<ифорович> недоступен. Значит, не судьба, но я ничего не теряю. Звонила из «Вечерней Москвы» Инна Эдуардовна (имя ничего не говорит мне). Я прочел ей по телефону врезку к стихам Темина. Она довольна. Не прошло и нескольких минут, как явился курьер и забрал тексты стихов и врезки. Одно дело сделано. Послал поздравительную телеграмму Сомову, директору Гослита. Вышел десятый, последний том Гюго. В нем моя статья. 5-ого апреля получу за нее деньги.

29 марта

Начал день с ответа моему двоюродному брату, несчастному больному, живущему в Ленинграде на 40 рублей пенсии. Пошлю ему в апреле 100 рублей. Письмо от Всеволода Рождественского – тоже ответил. Звонил Темин: очевидно, в субботнем номере «Вечёрки»¹⁵ будет напечатано. Звонил Фурман, днем принесет отпечатки снимков. От Сашуры никаких звонков. Второй день играем с Влад<имиром> Мих<айловичем> в шахматы вничью. На дворе великолепная весна. Надо бы выйти, подышать, но насморк меня мучает.

30 марта

Вчера вечером меня опять знобило и температура дошла до 38,8°, так что улегся в постель, проглотив аспирин. Сегодня утром Вл<адимир> Мих<айлович> вызвал Анатолия Исаевича и тот приехал, не нашел ничего серьезного, но велел отлеживаться и прописал всякие пилюли. Только что ушла Сашура, была долго и была необыкновенно мила. Благодаря ее приходу я ожил.

2 апреля

С утра явилась девушка из АПН, принесла статью о Завадском, сильно сокращенную и обескровленную, но я поставил свою «визу» – пускай так печатают. Был Анатолий Исаевич, ничего у меня не нашел. Назначил на будущую среду диспансеризацию – со всеми вытекающими последствиями. Были Брауны. Коля читал новые стихи сына. Большей частью они доходят. На этот раз это целый цикл о любви – «без посвящения», как уточняет автор. Коля принес и воспоминания Али Эфрон из мартовского номера «Невы». Воспоминания Али я прочел. В них много обо мне. Есть подробности, которых я совсем не помню: будто я принес и подарил Марине «Двенадцать» с анненковскими иллюстрациями и к тому же прочел всю поэму вслух. Неужели такое было, или Аля меня с кем-то спутала? Но в остальном все очень достоверно до мелочей. Подтверждаются мои догадки о значении для Марины Мансуровской студии, нашей атмосферы.

5 апреля

В бухгалтерии «Правды» получил деньги за статью о Гюго. На книжном базаре купил два комплекта трех своих вышедших томов. В театре Завадского договорился, что он сам прочтет те стихи, которые захочет. День этот тянется и тянется. К шести надо быть в театре и, конечно, я беспокоюсь: явится ли вовремя Сашура со своим спутником. У них сегодня суббота.

Она и философ явились более, чем вовремя: в начале шестого, так что и в театр мы успели, и сидели в третьем ряду. Вечер был очень праздничный. Юра получил орден героя соц<иалистического> труда, а театр – орден Ленина. Торжественная часть продолжалась часа полтора и, как водится, была занудна. Потом Юра вывел всю труппу в зал и начались отдельные поздравления, каждое по-своему сердечное и не казённое. Играл Святослав Рихтер.¹⁶ В какой-то момент

был вызван я, и я решил прочесть четыре строфы, последние из поэмы «В переулке за Арбатом», несколько приспособив их к театру Моссовета. Сашура говорит, что это было хорошо. Но всех перекрыл, конечно, театр Вахтангова: вышли Святой Антоний (Яковлев) и Калаф (Лановой). Между ними остроумный диалог в стихах сочинения Жеки Симонова.

Сашура завтра уезжает в Великие Луки до 12-го. А я, может быть, воспользуюсь случаем и на 2-3 дня уеду на Пахру.

6 апреля

Я позвонил Сашуре Ремизовой, чтобы похвалить выступление вахтанговцев: оно действительно было блестящим. <...>

Звонила Сашура: вернется 10-го, пробудет один день в Москве, а дальше у нее командировка от «Московского комсомольца» в Караганду на десять дней. Мне поручила договориться с Окуджавой о его выступлении числа 22-го. Был Белинский, вписал в мою «Книгу друзей» стихи, посвященные мне.

8 апреля

В Востряково у Зои. Все чисто, снега совсем нет. Бронзу пора чистить и обновить позолоту. Народу – тьма. Посадили в горшке плющ, давным-давно посаженный Зоей сначала на балконе, потом он стоял у меня, на улице Щукина.

9 апреля

Вчера, на юге Франции, в Мужене скончался Пабло Пикассо, 92-х лет. Это великое существование оборвалось. Я думаю, что должен написать стихи о нем. <...> По телевидению передавали вечер в т-ре Моссовета. Я проспал начало а когда проснулся, Катя злорадно сказала, что видела меня и Сашуру, и что я выглядел очень маленьким рядом с нею. Конечно, лучшее поздравление от т<eat>ра Вахтангова. Хорош и Александров с кусками фильмов.¹⁷ Прочёл сегодня целых три детектива. Болгарский плох. Французский поначалу страшен и таинствен, но развязка грубая и грязноватая. Лучший – английский. Тут очень все ловко закручено и развязка совершенно неожиданна. <...>

10 апреля

<...> Получил в Гослите деньги за Гюго. Был на дне рождения у Беллы, подарил ей колечко, познакомился с ее отцом. В профиль она поразительно похожа на него. Договорился с Булатом Окуджавой о его выступлении в ВКШ.

11 апреля

С утра поликлиника. Диспансеризация ограничилась двумя анализами, кардиограммой и рентгеном. Как будто все в порядке. Оттуда в «Неделю», получил верстку статьи о Фише. Послал своему двоюродному брату 100 рублей.

Дома читал и дочитал Бахтина о Достоевском. Соображения о карнавальном времени и пространстве у Достоевского, всё развитие этой темы гениальны. Это новая глава в литературоведении вообще. Написал письмо Сашуре в Караганду, очень короткое, хочется, чтобы ответила. Я дома совсем один, Кипсы и Кати нет, Варя удрала на какой-то концерт в Кремль. Быть одному мне легче.

12 апреля

Сегодня день рождения Андрея, но он занят в университете. <...> Мой день совсем пустой: никуда не выходил, не ездил, ни с кем не говорил даже по телефону. Ах, нет, звонила скульпторша, которая сделала фигурку Завадского и подарила её ему в Доме художников. То же самое делает со мной.

13 апреля

С утра Станислав Лесневский. Он написали письмо Наровчатову и Ильину об августовском празднике Блока в Шахматове, и мы отвезли и отдали его в ЦДЛ, прямо в руки Ильину. В «Неделе» получил четыре экземпляра номера, где помещена статья о Фише. Она выглядит вполне прилично.

15 апреля

С утра товарищ из журнала «Радио – телевиденье» провел со мной интервью о театре Моссовета и Завадском. Наговорил я ему кучу вздорного и дельного. Он обещал на будущей неделе принести запись, чтобы я завизировал. Продолжаю отвыкать от снотворных – пока в половинном размере: принимаю только седуксен без димедрола. В результате яркие сны и два-три пробуждения в течение ночи.

16 апреля

В 12 часов отвез Тане Фиш в «Дружбу народов» статью о Геннадии. Потом в магазине подписной книги получил IV том Сельвинского.

Получил письмо от Наталишки с новым приглашением приехать в Вильнюс. Тут же ответил, что ее замужество и ожидание ребенка провело запретную черту между нами, что я не вправе, да и не хочу ее переступить, и далее в том же духе. Написал, что радуюсь за нее; она вступила в хорошую семью и должна это ценить.

17 апреля

Вот сегодня была Сашура и все для меня встало на место. Все – это радость и мучение, то и другое непомерно. Она никогда не будет другой, моей. Но, черт возьми, это не имеет значения. Я люблю ее смертельной и последней любовью. Она только что ушла, а пришла, когда я еще спал. Свинство, что меня не разбудили! <...>

20 апреля

Таня Калинина прислала вчера довольно интересное, развернутое поэтическое повествование о Дидоне и Энее.¹⁸ Во многом слышится интонация Марины Цветаевой. Но Таня и самостоятельна, особенно в роли хора: это корабельщики Энея, его экипаж. Вещь требует еще работы и, так сказать, осмысления. Таня импульсивна, в соответствии со своим возрастом, и не слишком умна, но своротила она гору! Ответил ей как мог.

Звонил Озеров: двухтомник любовной лирики в издательстве «Молодая гвардия» вышел. Там много моих стихов и переводов. Получил его в Лавке пис<ателей>, купил и второго Гюго – для Сашуры.

21 апреля

С утра позвонил Окуджаве и попал как раз в тот момент, когда он ввалился домой с Октябрьского вокзала. Так что договорился о вечере. В скором времени позвонила и Сашура, заедет за мной в 4 часа дня, чтобы нам повезти Булата в ВКШ.

Читаю Переверзева о Достоевском.¹⁹ Поразительно убого – плоский социологизм, все сводится к изображению мещанина и его двойника. Что понимает Переверзев под двойником остается за пределами его собственного понимания. У него намерения самые благие, но, как известно, ими вымощена дорога в ад. Ад недомыслия и предвзятости. <...>

22 апреля

Сначала Булат был несколько скован, но окружающая обстановка и ребята подействовали на него. А когда появилась гитара, он оказался в полной спортивной форме. Никогда еще я не слышал такого исполнения своих песен Булатом, как вчера. Он был и трогателен, и в ударе, владел голосом, ритмом. У него тончайший музыкальный слух. Пел он много, до полного исчерпания себя и слушателей. Среди ребят нашелся и такой, который тоже пел песни Окуджавы под гитару, спел несколько. Пел сентиментально и сладковато по сравнению с Булатом, но и это было тоже украшением вечера.

Сегодня несколько часов пробыл у меня Лёня Темин. Мы очень хорошо говорили с ним, вместе обедали с водкой (он больше, я гораздо меньше). При нем с Мойки звонила Таня Калинина. Я показал ему ее «Дидону». Он взял ее с собою, обещав написать Тане. А сейчас мы вдвоем с Варварой в доме. Кипса с Катей приедут часам к 8-ми. <...> Звонила Сашура: весь день работала: готовится к экзамену по экономике. Очень довольна вчерашним вечером.

24 апреля

Я выполнил поручение Сашуры и написал для газеты ВКШ воспоминание о войне, о 1-м и 9-м Мая – всего семь с половиной страниц от руки. Кажется, вышло неплохо, хотя и разбросано. Но может быть, это и лучше, чем стройность.

Вечером был Толя Миндлин. Он действительно сделал огромное дело. Работая в Подольске и восстанавливая судьбы многих своих военных друзей, он, между прочим, добился и сведений насчет Вовы, его гибели, точного места его могилы, и все это восстановил на основании военных документов. Конец его рассказа потрясает. Думаю, что и для посторонних, свежих читателей, это тоже будет живым материалом. Толя – не писатель. Он слишком бесхитроsten, пока описывает свою детски-отроческую дружбу с Вовой. Но, начиная со дня 22 июня 1941, тон рассказа меняется и все становится и подлинным, и живым, даже художественно вылепленным. Он только что ушел. Я как-то жалею, что устал и оттого недостаточно горячо откликнулся на большую работу, проделанную им.

26 апреля

Около 2-х часов пришла скульпторша, зовут ее Кира Ракитина. Она принесла «болванку», т. е. мою голову, слепленную умозрительно и довольно долго придавала ей сходство со мной. Работает она интересно; говорит, что настоящего сходства добивается уже в отрыве от модели: «руки помнят». Женщина неглупая. Хочет лепить Беллу.

Вечером отвез Але Эфрон три своих тома и около получаса еще сидел у нее; говорили о многом, о Марине, об Асе, и еще, и еще разное. Потом спустился вниз в том же подъезде к Е. В. Заболоцкой с 24-мя страницами своих воспоминаний. Она хорошо разбирает мой почерк и как-будто решила сначала сама перепечатать, потом дать машинистке. Так что сегодня сделал два важных дела. Читаю автобиографию Ал. Грина: очень талантливо и ярко. А дом, где я был, знаком мне: в нем же, в том же подъезде жила и Наталишка Огай. Бывают странные совпадения!

27 апреля

Только я встал, звонок от Сашуры. В воскресенье у нее экзамен, но обещала, что после того увидимся. С утра в издательстве «Художественной литературы» – и, о неожиданность! В моих руках сигнал IV тома. Он намного тоньше трех первых – всего 18 печатных листов, значит, примерно на 7 меньше, чем в других. Но гип-гип-ура, это собрание завершено и, очевидно, в середине мая будет и тираж. Далее был на книжной базе на Беговой.

29 апреля

Светлое Христово Воскресенье. Утром мы похристосовались с Варей и «разговорелись»: яйцами, сырковой массой (вместо Пасхи), я выпил чарки две. Потом звонил Але Эфрон и хорошо говорил с нею. Были Денис и Андрей. А ближе к вечеру пришла и Сашура, что было неожиданно и очень хорошо. С ней тоже похристосовались. По ее просьбе звонил к Жене Евтушенко: по поводу ее трудоустройства в Москве. Не знаю, права ли она, когда думает, что именно он, Евтушенко может помочь более, нежели кто-нибудь другой. Но вдруг она права? Женя назначил на 4-ое мая.

30 апреля

С утра, едва вышел из ванной – ба! уже пришел Влад<имир> Мих<айлович>. Кипса скоро уезжает на Пахру, так что я остаюсь с ним и пока с Варей. Завтра она тоже исчезнет куда-то.

Вечером был Толя Миндлин с новым, переделанным (по совету Кипсы и моему) вариантом своей статьи, посвященной Вове. В ней еще остались кое-какие мелкие оплошности его дилетантизма, как писателя, но они действительно ничтожны и легко могут быть устранены. Я попытался кое-где это наметить. Придется напечатать эти полтора десятка страниц заново. Толя – человек удивительный, скромный и уж до такой степени преданный памяти моего бедного сына, что я преклоняюсь перед таким феноменом мужской (когда-то детской и юношеской) дружбы.

Урок на сегодня я выполнил: воспоминания о С. Чиковани и отклик на его 70-летие уже напечатаны на машинке и 3-его пойдут в Тбилиси. День кончился.

1 мая

Пришла Сашура. Мы болтали, обедали вместе, пили рислинг, читали Козьму Пруткова. Кончилось тем, что она напечатала на машинке его «Философа в бане» с тем, чтобы подарить это своему философу Анатолию Воскобойникову. Я отвез ее в ВКШ и вернулся домой около 9-ти часов.

Говорил по телефону с Беллой: она ждет события только в июне.²⁰

Впереди разговор с Ж. Евтушенко, назначенный на 4-ое. Сашура хотела было тоже пойти к нему. Но я решил что в первый раз лучше нам быть с ним с глазу на глаз. Причины мои тайные: я должен взять с него слово, что будет сдержан по отношению к ней.

Вот и все об этом дне. Сейчас уже 10 часов вечера. Влад<имир> Мих<айлович> и Варвара смотрят что-то старое по телевизору. А мне очень грустно и тяжело.

2 мая

Утром в полодиннадцатого у Зои, в Вострякове. Во все горло чирикают воробьи, вокруг зелено и множество людей, больше старых. Убирают, поливают, сажают что-то на могилах близких. Тем же и мы с Варей занимались: посадили анютины глазки, тюльпаны, траву. Ограда нуждается в новой покраске. С Ник<олаем> Ник<ифоровичем> договорился об этом. Нуждается в подчистке и некоторой позолоте и барельеф и надпись ЗОЯ БАЖАНОВА. <...>

Пришел Вадим Фадин. Мне очень не хотелось слушать его стихи, но, как ни странно, когда он начал их читать, постепенно я заинтересовался и, кажется, верно и пристально одни стихи критиковал, другие хвалил. Вообще судьба его невеселая: сугубо засекречен (ракеты!), стихи ни разу не были напечатаны.

3 мая

Утром в книжной Лавке писателей купил 2 экземпляра двухтомника Заболоцкого: для Беллы и для Али Эфрон. Был у той и другой. Белла сказала, что видела вчера в Переделкине Женю: он помнит о нашей договоренности.

Много писем: от В. Орлова, от Н. Банк, от Балаушвили, к-рый пишет диссертацию о моих грузинских связях. <...>

4 мая

С утра нетерпеливо ждал Ж. Евтушенко. Успел написать письма Орлову, Н. Банк, Балаушвили. Наконец, где-то между тремя и четырьмя звонок – Евтушенко. Дескать, должен взять какую-то правку в «Лит. газету», придет часов в шесть. И явился почти вовремя. Сразу все хорошо уразумел. Оказалось, первый секретарь Московского ГК ВЛКСМ чуть ли не друг ему. Позвонил ему, но тот до 7-ого где-то за рубежом. Женя обещал ничего не забыть и позвонить мне 8-ого. <...> Посидел, мы незначительно и разбросанно болтали, между прочим, и о Межирове, которого Евтушенко считает лучшим поэтом военного поколения. Уже уходя, Женя сказал, что предчувствовал тему нашей беседы. <...>

Прочел произведение Беллы: о Лермонтове и Мартынове. Это интересно и причудливо сверх меры. Есть и находки, особенно фантастическое возникновение субъекта начала XIX века, стукача от жандармерии. Эта явная сказочность оправдывает слишком кропотливое разбирательство в психологии Васильчикова и Столыпина-Монго. Но по чести и совести, мой Лермонтовский цикл, все 4 сказки о нем, сильнее и острее ухватили настоящую правду об этих персонажах, не говоря уже о самом Лермонтове.

Прочел до конца книгу Шкловского об Эйзенштейне. Она ужасно многословна. В<иктор> Б<орисович> повторяется на каждом шагу и сам себя цитирует. Это манера, перешедшая в маразматическую манерность. Он умница, но слишком много знает. Много знать само по себе не беда. Но при этом надо уметь держать язык за зубами. Не только в интересах читателей, но и в собственных интересах.

6 мая

Утром, без большой надежды застать, позвонил Межирову и все-таки застал его. Как-будто он обрадовался, говорит, что давно мечтает о встрече. В то же время, как всегда, производит впечатление человека растерянного, занятого чем-то посторонним и не поддающимся внятному определению. <...> Он недавно стал дедом. В сентябре ему исполнится 50 лет. Старше Вовы на месяц. Мы условились, что он позвонит сам о встрече.

С Влад<имиром> Мих<айловичем> начали развешивать мои картины к «Вийону». Три уже висят, остались две. Вскоре после этого Сашура позвонила и приехала. Мы втроем обедали, потом вышли, тут же поймали такси, заехали к Белле, но она, оказалось, в Переделкине, и мы отправились на Ленинские горы,

смотрели знаменитую панораму Москвы. Вернулись затемно. Сашура измучена, устала. Должна писать диплом, но дается это трудно, только что она уехала.

А во мне еще больший мрак. Зачем, ради чего она появляется? Неужели, надежда через меня и с моей помощью устроиться на работу в Москве и только?

8 мая

Тщетно звоню к Евтушенко: либо никто не отвечает, либо телефон занят.

Говорил с Ильиным: вопрос о блоковских днях в августе не решен. Ильин подозревает, что солнечногорцы недовольны статьёй Лесневского в «Правде». Я ее не читал, но Ильин утверждает, что право на обиду у тамошних деятелей имеется. Сверх того, говорит Ильин, Лесневский не согласовал этой статьи ни с кем в Московском отделении и тем самым как бы дал пощечину солнечногорцам. Словом, неприятное дело.

Звонила из Риги Лида Жданова, должна явиться в Москву 12-го сего месяца. Вечером звонила Сашура. Я сказал ей, что так и не связался с Евтушенко. Послезавтра начинается ее практика в «Комсомольской правде». Она надеется, что так или иначе на пушкинские дни получит от газеты командировку.

9 мая

Весь день дома. И хотя значение этого дня какими-то волнами и доходило до сердца и сознания, все-таки день был пустым. Единственное событие – это вечером по телевизору фильм «Белорусский вокзал», образец великого нашего искусства. Стал читать старые статьи Вячеслава Иванова, но это уж такая высокопарная архаика, что и сосредоточиться на них невозможно. Я безобразно теряю время попусту.

10 мая

В 12 часов, как было условлено, я приехал на Масловку к Ефанову, пробыл у него часа полтора. Он закончил не все, что собирался, но все-таки отпустил меня. Больше ему я не нужен как натурщик.

Была Сашура. Она очень стойко держалась в «Комсомольской правде» и как-будто добилась того, чтобы работать в отделе литературы и искусства. Боится, что завалит свой диплом, хотя и написала уже 30 страниц, но все это «вводная» и теоретическая часть. Очень усталая и враждебная ко мне, хотя умело скрывает это.

А я «завалил» свое участие в Пушкинских днях: по словам Царева все уже распределены. Он даже не знает, не помнит, включен ли я куда-либо. Сейчас это строго регламентируется. Три группы: Одесса – Кишинев, Михайловское, Ленинград. Я претендую только на Одессу – Кишинев. Значит, завтра же надо это уладить через Андронникова в СП, в бюро пропаганды. Надеюсь, что Андронников поможет.

11 мая

Утром говорил с Андронниковым. Дело с Пушкинскими днями нелегкое: все имена участников уже согласованы в ЦК. Но Ираклий обещал уладить. Может быть, удастся уладить, но не раньше вторника, когда он сам будет в ЦК.

Звонила Сашура, обещала захватить за мной, чтобы вместе пойти в ЦДЛ. Оказалось, что представление пьесы Пиранделло начинается в полвосьмого, так что было время на кафе. <...> Пьеса поставлена выпускниками школы МХАТа. Она сама по себе, конечно, почти гениальна, но... Есть одна вещь, затруднительная для любых русских актеров: быстрота речи итальянцев. Нашим исполнителям следовало серьезно сократить текст, чтобы ярче и рельефнее подать самое философию Пиранделло. Они утонули в количестве текста, совсем не обязательного, и многое пробалтывали наспех. Но все-таки в целом это было интересно. Сашура, кажется, была довольна. Мы с нею хорошо, по-доброму посидели в ресторане, распили бутылку белого сухого. Я ее проводил до Вешняков и вернулся ровно в 12 ч. ночи. День кончен.

15 мая

День пустой. Волнуюсь из-за нерешенного вопроса о Пушкинских днях – без Верченко²¹ ничего не могут решить. Пока он не вернется, моя судьба висит в воздухе. <...> Пока что печатаю заново на машинке поэму «Кубок Большого Орла» – от нечего делать, но это полезно.

В субботу на клубном вечере в ЦДЛ мне предстоит читать стихи Заболоцкого: так гласит пригласительный билет, который я получил сегодня вечером.

18 мая

Вечером у нас были Лозовецкий с женой, очень милые люди и старинные друзья, особенно он. Он говорит, что жалеет об окончании четырехтомника – лучше, дескать, если бы это только сейчас начиналось. Увы! Боюсь, что у меня больше ничего уже не начнется – во всяком случае, такого масштаба. Прочел им часть воспоминаний о Заболоцком.

19 мая

Звонила Лида Жданова, а потом и Таня Глушкова. Все рвутся на вечер – и слава богу!

Сашура с французиком Рэми прибыли точно без десяти шесть и мы отправились в ЦДЛ. Три места в третьем ряду были оставлены за нами. Пока было можно, я сидел со своими гостями, потом поднялся на сцену. Первым говорил о Японии собкор «Правды», пробывший там много лет, говорил интересно и коротко. Засим началось наше. На сцену вышли Левин, Самойлов и Межиров. Левин порол чушь несусветную, как всегда ссылаясь на что-то уже сказанное до него. Потом я прочел два стихотворения из «Столбцов»: «Ивановы» и «Свадьба». Я настоял на своем выборе, несмотря на мнения о якобы плохой

аудитории. Закончил под овацию. И Самойлов и Межиров, особенно Межиров, читали прекрасно. Саша Межиров читал что-то из зрелого Заболоцкого.

Я договорился с Межировым, что он будет внизу ждать нас. И мы вчетвером уселись в ресторации. В Сашуре на этот раз проскользнуло что-то редкостно доброе и умное.

День кончен. Сейчас начало 12-го ночи. Варя где-то играет в карты.

20 мая

Не спал почти всю ночь. Кофе ли виновато, мысли ли некстати лезли в голову, не знаю, но встал в 10-м часу вполне бодрым. <...> Долго говорил с Межировым: о вчерашнем вечере, об этой жалкой тризне по Заболоцкому. Угораздило же выбрать такого докладчика, как Левин! Он ничегошеньки не понимает не только в поэзии, но вообще в литературе, целиком зависит от чужих мнений. Саша Межиров прав: осенью надо сделать настоящий вечер Заболоцкого.

22 мая

С 12 часов я в Союзе писателей. Разговор с Верченко – с его стороны вполне благожелательный, с обещанием сделать все, о чём я прошу. Потом разговор с Сартаковым, который возглавляет всю кишиневско-одесскую группу (вместо Андронникова), – тоже обещание содействия. Наконец, при выходе из СП опять встретил Верченко: он уже распорядился обо всем в Бюро пропаганды.

Позвонила Сашура. Сегодня по поручению газеты выступала в ЦДЛ на международной встрече критиков. Доложил ей, как обстоят наши дела. Завтра она должна от газеты говорить в Бюро пропаганды обо всей нашей аванюре Кишинев-Одесса.

Вечером еще раз Толя Миндлин со своей повестью о Вове. Она делается лучше, писательски профессиональнее и ярче. Кое-что мешает, – не то сантимент, не то просто неумение. Решили показать ее в «Смене» тому самому А. С. Кулешову, который был ведущим на вечере Заболоцкого 19-го. Он, сын П. С. Когана, считавшийся сыном Блока и росший здесь, рядом, на ул. Щукина, – один из величайших «авантюристов века», прожженная бестия.²²

23 мая

Утром звонила Сашура: очень занята. Сегодня в «Комсомольской правде» ее информация о двух встречах в СП. Завтра предстоит договориться для неё с Лановым о встрече. Звонил Белинский: статья о нем в «Новом мире» идет в июле. Была Лида Жданова; читал ей новые стихи и перевод Чиковани и Готье. Звонил Банников: в следующем номере «Лит. России» идет перевод Чиковани с моей врезкой.

Приходил Володя Орлов, пробыл часа два. Заключен договор на его книгу о поэтах начала века. Продолжает гадить гнида Бонецкий²³: двухтомник воспоминаний о Блоке все еще висит в воздухе. Прочел Володе «Двойник» и перевод стихов Чиковани. То и другое ему нравится.

У меня крах с часами. Видно, завтра придется купить новые. Старые часы «Победа» прослужили, слава богу, с первого года после войны. Эти дни я несколько раз ронял их на пол. Они безнадежно стоят.

24 мая

Кипса уехала на Пахру: перевозит туда часть семейства – свою мать и своего внука. С утра Влад<имир> Мих<айлович>, сыграли с ним в шахматы. <...> Купил с его помощью часы за 28 рублей – кажется, хорошие. <...>

Вчера звонил мне в ужасе (буквально) Ж. Винокуров: он потерял рукопись поэмы. Мне это грозит многими осложнениями: придется кое-что восстанавливать по памяти, а сверх того, чего не вспомню, сочинять заново. Тверды только те 500 строк, что напечатаны в «Неве».

25 мая

<...> С поэмой я все-таки справляюсь! Дошел до «Действа» и, может случиться, оно не потребует особой правки. Позвонил Жене Винокурову, успокоил его, чтобы не страдал от потери рукописи. Он очень благодарил. Я убежден, что это не он потерял, а в редакции «Нового мира».

Вечер Всеволода Рождественского в ЦДЛ был просто прекрасен: он рассказывал о Блоке, Ларисе Рейснер, Волошине, – все это в малом зале. Был хороший народ.

26 мая

Очень хорошо посидели мы со Всеволодом Рождественским и его дочерью Миленой в ресторане гостиницы «Россия», распили бутылку болгарского белого вина, ели запеченную севрюжину. Потом в номере Всеволод прочёл несколько своих новых стихов, я – тоже. Пришел домой и допечатал поэму вплоть до «Заключения». <...>

Оказывается, сегодня днем передавали мое чтение стихов Самеда. Жалко, я не узнал из газеты об этой передаче. Но бог с ней. Получил по почте больше 250 рублей за новое исполнение хренниковских песен на мои тексты. Из них 200 рублей отдал Кипсе.

27 мая

Первую половину дня провел с Влад<имиром> Мих<айловичем>. Мы сыграли очередную партию в шахматы. В первый раз за долгое время я проиграл ему. Потом общими усилиями запаковали пять зак<азных> бандеролей» IV-го тома: Орлову, Браунам, Эткинду, Гольдичам и Первомайскому. Итого роздано одиннадцать экземпляров, из них шесть в Москве. Кипса и Катя уехали на Пахру. Больше нечем отметить этот длинный день, разве только мыслями о поэме: в чем она еще нуждается, да и нуждается ли в чем-нибудь.

28 мая

На базе был – заказал книги, был и в СП, так что самолетные билеты в Кишинев в кармане. Женя Долматовский подарил мне свою прозаическую книгу «Было». В ней чудесно описано Шахматово позапрошлого года и перипетии нашей дружбы. Он тоже летит в Кишинев. Из нашей группы он мне ближе всех.

29 мая

К одиннадцати утра был в Гослите с тремя бутылками шампанского, тортами и большим букетом сирени и, конечно, очень обрадовал редакторскую комнату. Оказался тут и Яша Хелемский, так что общество собралось милое, доброжелательное и веселое. Попробовал пригласить на бокал шампанского директора Сомова, но у него шёл «прием двадцати восьми писателей», если не соврал. Но зато обещал сам явиться ко мне по возвращении из Одессы, да еще с каким-то предложением. Вот бы с предложением новой книги.

Книга Долматовского чрезвычайно мне нравится. Это настоящая проза, совсем не поэтическая, достоверная: начало войны, плен, бегство из плена, – все это сама жизнь. Небольшая главка о Шахматове, где я много действую и где рассказано о нашей дружбе и о размолвке. По-своему прелестны и живые мысли о Блоке.

Брать ли этот дневник в Кишинев и Одессу? Нет! Не надо. Все равно буду вести путевой журнал для «Недели», а дневник помешает. И так завтра в путь!

5 июня

Описывать здесь блаженные и трудные до ужаса дни в Кишиневе и Одессе, вспоминать всю их нагрузку и разнообразие не буду. Вчера вечером я заново и набело написал свой кишенёвский путевой журнал (в Одессу прибыл от «Недели» Макаров и сам напишет об Одессе – для меня это большое облегчение). Сегодня же отвез материал в редакцию «Недели», прочел вслух. Слушали Корнилов и Авдеенко и очень довольны. Действительно, получилось складно.

В «Лит. России» напечатан только мой перевод Чиковани, без врезки. Банников, как всегда, обманул и ни одного экземпляра журнала не прислал.

6 июня

День рождения Пушкина и день рождения Сашуры. Она уже звонила. Может, сегодня явится. В «Комсомольской правде» ее заметка с подписью А. Некрасова – событие, значение которого очень даже велико.

Звонила Майка Луговская. Очень больна ее сестра, Анна Леонидовна, которой сегодня делают операцию. Какой бы Майка ни была, сестра – самый близкий ей человек. Так что ее волнение и понятно и вызывает сочувствие и нежность к этой непутевой женщине. Жду звонка из «Недели». Отправил три бандероли с IV-м томом: Бажану, Н. Банк и Зубову. Итого уже 23 экземпляра ушли.

Сашура пришла, но ненадолго, просто как «мимолетное виденье». Ничего не поделаешь. Она измучена. От «Комсомольской правды» еще одно задание: Виктор Ардов. Садится, наконец, за диплом и обязана к 16-му его сдать. А дальше? Дальше я решил действовать через Матвеева в ЦК ВЛКСМ. Что выйдет, разумеется, неясно. Но я готов прошибить лбом стену.

Получил два приглашения с телевидения: одно приглашение рассказать об Арагоне, и передача на будущей неделе, а завтра – о Пушкине.

7 июня

С утра звонили: рассказ о пушкинском празднике откладывается на целую неделю. Не готова, дескать, пленка с кадрами, которые должны проиллюстрировать мой рассказ. Стало быть, и Арагона придется отложить. День выходит пустой, но жду звонка из «Недели», чтобы поехать и посмотреть как выглядит мой опус.

Отправил еще четыре бандероли с IV-м томом: Головановскому в Киев, Каладзе в Тбилиси, Тане Калининой – в Ленинград, Наталье Огай – в Шяуляй. Звонили мои новые знакомые с телевидения Дина и Йонас²⁴ и предлагали две нагрузки: Светлов и Маяковский.

8 июня

С утра – в «Неделе» получил 5 экземпляров статьи. Статья чуть-чуть сокращена, но сокращена деликатно. Вся двойная полоса (Кишинев – Одесса) выглядит роскошно – куда «Лит. России» до нее!

Звонили из Вильнюса Наталишка и ее муж Томас. Завтра их бракосочетание. Сегодня Андрей защищает кандидатскую диссертацию. Кипса и Катя уже отправились в ЦДЛ: там состоится все это торжество. Я прибуду немного позже.

9 июня

Вчерашнее торжество Андрея было абсолютно полным. Его диссертацию признали выдающейся, но так аттестовать ее официально – значит, удлинить процедуру в ВАКе (Высшая Аттестационная Комиссия. – Сост.) чуть ли не на два года. Речь идет о скорейшей защите докторской. Компания математиков веселая, но их остроты разве только для избранных. Для меня дело кончилось сильным опьянением.

10 июня

Жду поляка Леопольда Левина. <...> Дал ему все четыре колеса – четыре тома. Будет делать мою книжку. Я рекомендовал ему включить хотя бы одну сказку времени по его выбору, а какие включить стихи я отметил. Кажется, что человек он милый. В нужный момент вызовет меня в Польшу.

Только что звонила Ляля Росельс: Белла родила девочку весом в 3 кило 100 грамм. Все благополучно.

11 июня

Были с телевидения, среди них Дина и Йонас, новые мои друзья после Кишинева и Одессы, сняли о Маяковском и о Светлове. Первое, кажется, получилось лучше и складнее. Передача о Светлове в воскресенье по первой программе. Потом двое друзей посидели у меня, попили кофе. Я подарил Дине все 4 тома. Потом я поехал в «Лит. Россию», получил 5 экземпляров со стихами Чиковани и деньги за них (около 30 рублей).

Сегодня было две грозы и проливные дожди. Вечером приходил Виктор Широков, слушали музыку Малера, которого так обожает моя дочь.

Катя безбожно долго не возвращается домой: сейчас ровно полночь.

12 июня

Надо всерьез заняться книжкой стихов за последние годы. Вообще пора подводить итоги. <...> Перепечатаваю стихи для новой книжки, надо не упустить 1974-ый год. Звонила Лида Жданова из Риги, из своего поселка, очень зовет. Послал ей IV-ый том.

13-го июня

У Зои в Вострякове все расцвело и разрослось, в том числе белый флокус. Сирень цвела или нет не поймешь, может быть, все оборвали. Оставил записку работнице Маше, чтоб позвонила.

Звонила Сашура в полном изнеможенье. Завтра должна везти диплом к оппоненту. Напечатано всего 27 страниц; к ним надо прибавить вступление и заключение – работа на всю ночь! Какой она будет завтра, сама не представляет..

А вечером, предварительно позвонив, пришли Дина и Йонас. И это было для меня очень кстати: отвлекло от тяжелых мыслей о будущем.

14 июня

Несколько раз позвонив и постоянно меняя время своего приезда, явились товарищи с телевидения и сняли менее чем за час моё выступление об Арагоне. Я рассказал о сборнике «Честь поэтов», о псевдонимах Арагона, прочел вступление к сборнику, потом «Балладу о том, как поют под пыткой», ещё рассказал о приезде Арагона в Москву после войны и закончил «Вальсом двадцатилетних»²⁵... Всё вместе чуть больше 10 минут.

Кипса уехала провожать Катю в Псков и Михайловское. Их едет 60 душ школьников.

15 июня

С утра Влад. Мих., а Кипса уехала на Пахру. Вернется 21-го чтобы встретить Катю.

В «Неделе» получил и за статью и командировочные, всего 100 с чем-то рублей. Вечером была Сашура – прелестная, как никогда, но очень уж усталая, а главное, озабоченная своей судьбой. Ей предложили должность заведомо пропаганды в псковской областной молодежной газете и общежитие. Общежитие на годы и годы. Без перспективы на квартиру. От моего какого-то ни было вмешательства она решительно отказывается. Пока весь июль собирается работать в «Комсомольской правде», как ей предложено. Предстоят командировки. Мы попили вина и чай с тортом. Она только что ушла.

У меня в итоге невесёлые чувства. По-лермонтовски: «глупец кто в женщине одной мечтал найти свой рай земной», а переведа на язык грешной прозы, я вообще глупец, что еще думаю о чем-то таком...

16 июня

Сегодня с утра у Зои в Вострякове. Маша срубила много сучьев и веток, которые глушили сирень, протянула веревку, на которую укрепила хорошо разрастающийся виноград. А виноград должен покрыть весь гранит и вообще образовать шатер над участком.

Кое-что перепечатал для будущей книги новых стихов. Надо, в первую очередь, включить весь цикл «Очей очарованье».

17 июня

Вчера вечером пришли Дина и Йонас, очень мило посидели чуть ли не до 12 часов ночи, выпили сообща две бутылки белого. Еще одни новые друзья. Что именно привлекает меня в них? Пока затрудняюсь определить, но что-то очень привлекает.

Сегодня передача о Светлове. Наконец-то смогу хорошо рассмотреть себя на экране. Снят с повестки Паперный. Тянется хвост его исключения из партии за пародию на Кочетова года три назад, если не больше, исключения явно несправедливого. Звонила Сашура: торчит в ВКШ, дежурит на избирательном участке. За день написал пять писем-ответов Наталье Банк, Тане Калининой, Галису (в Варшаву), Сушко и М. Поздняеву.

18 июня

Утром был Ст<анислав> Лесневский. Мы пошли к Ильину: вопрос об августовском празднике Блока остается неясным. Говорил по телефону с Наровчатовым, который считает шахматовский праздник необходимым.

Был у Беллы, видел крохотное, беленькое личико ее дочки, сосущей соску с упоением. Принес ей букет белых пионов и IV-ый том.

Звонила Сашура, получила хороший отзыв на свой диплом от будущего оппонента и занята доработкой. Приходил Виктор Широков. Я помог ему отобрать стихи для «Авроры» – правда, только из тех, которые уже отобраны местными властями, а это совсем не лучшие у него. Написал Лиде Гладкой обо всем в связи с Широковым. Влад<имир> Мих<айлович> изнемогал от безделья и взялся разбирать ворох писем, скопившихся у меня в полном беспорядке.

20 июня

Звонили из АПН – просят написать о Брюсове. Послал оттиск своей статьи, написанной для собр. соч. Брюсова. Только что был и ушел Лесневский. Мы написали открытое письмо в «Правду» о блоковских делах. Посмотрим, напечатают ли... Письмо от В. Орлова, на которое уже ответил и отправил IV-ый том для Елены Юнгер.

Звонила Сашура: диплом сдала – ура!.. Вечером пришла, была очень недолго. Она и усталая, и всем раздраженная, и не верящая в завтрашний день, и в август, когда придется ехать в Псков.

21 июня

Утром получил пенсию за июнь. Скоро пришел Фогельсон, взял стихи для «Дня поэзии» с моими новыми поправками. На днях уже должны быть гранки... Пришлось подарить ему четыре тома. Впрочем, он как раз и заслужил это больше, чем кто-нибудь: не могу сосчитать, сколько моих книжек в издательстве «Сов. писа» он редактировал, начиная с «Мастерской» до «Повести временных лет».

Книга составлена. Назвал ее «Ночной смотр» и завтра отвезу в «Сов. пис».

26 июня

Вернулся с Пахры, где вручил свой IV-ый том Нагибиным и Фишам. Третьего дня молния рикошетом ударила в дом; сгорела электрическая коробка в тамбуре – вот и весь вред. Сейчас звонил в «Сов. пис», где должны быть готовы гранки «Дня поэзии». Зашла Таня Фиш за моей подписью под двумя обращениями в правление СП РСФСР по поводу издания сборников Г. Фиша.

Была и Сашура. Она отказывается прийти вечером 1-ого июля. Для меня это катастрофа, ей-богу. Но она боится Кипсы. Основания тут есть.

28 июня

С Влад. Мих. съездили в «Варну»²⁶: два блока «ТУ-134», 12 бутылок белого вина, две бутылки коньяка. Итого 50 целковых без трешницы как не бывало. Думаю, что надо еще 2 бутылки водки, т. е. около 8 рублей. – И все.

Звонил Ильину: для устройства блоковского праздника в августе требуется разрешение министерства РСФСР в связи с пожарами в области, сейчас горят два района. Повторяется прошлогодняя история.

30 июня

Звонил Щербаков из «Комсомольской правды», предложил, чтобы я написал о Маяковском, что я уже и сделал, хотя срок он назвал 10-ое июля. Попутно зашел разговор о возможности Сашуриной постоянной работы в этой газете. Он согласен, что имеет дело с ценным работником, и будет действовать в нужном направлении. Он обещал держать мое вмешательство в тайне.

1 июля

Я перепечатал все, что написано о Маяковском. Так начался первый день моего семидесятилетия. Пришло в общей сложности тринадцать телеграмм и в неожиданно ранний час.

Приехала Сашура, а я, по правде, и не ждал ее. Она принесла розы и деревянный бочонок с вином. Немедленно взялась за подготовку стола, уборку и всякое прочее, где нужны были ее умелые руки. Приглашенные гости понемногу сходились. Сначала Андрей и Мила, потом Леночка и Саня, за ними Лозовецкие; с большим опозданием Наташа Фиш (Таня почему-то не пришла) и с еще большим опозданием – Виктор Фогельсон. Брауны Коля и Маруся задержались где-то в Переделкине (очевидно, у Тихонова). Маруся звонила где-то уже в 11-ом часу, и Кипса ответила, что им уж лучше прийти завтра утром.

Я пил очень мало, только водку и сухое из бочонка Сашуры, читал много стихов из «Ночного смотра». Влад<имир> Мих<айлович> скрылся как-то незаметно где-то еще в начале вечера. Очень милы были Лозовецкие. Но вот и прошел этот день.

2 июля

Утром зашел В. Фогельсон, взял первый экземпляр «Ночного смотра» и принес гранки стихов для «Дня поэзии». Я кое-что (мало) исправил по новым текстам. Потом дозвонился в «Комс<омольскую> правду». Сашура заказала пропуск для меня. Приехал в редакцию, а там еще шла летучка. Все-таки вызвали Степанова. Он внимательно прочел написанное и, кажется, остался весьма доволен. Просит еще добавить, ибо мой материал считается центральным в юбилейном номере 19 июля.

3 июля

С утра я договорился о том, что именно надо сделать в статье о Маяковском. Сначала говорил со Степановым, потом к этому кое-что добавила Сашура. Все, что требуется, я сделал. Прибавил уже на машинке две страницы. Днем были Коля и Маруся. Он очень настаивает на моем приезде для выступления в Мариинском театре, на большом городском вечере, посвященном Маяковскому 15-го сего месяца. А вечером пришли Диночка и Йонас. Мы допили весь коньяк. Я им подарил свою пластинку. Ну вот уже и полночь. Я дико устал.

4 июля

С утра поехал в «Комс. правду». Щербаков при мне все прочел и, видимо, вполне доволен. Тут же позвал меня выступить на их вечере, посвященном Маяковскому, 17-го сего месяца. Очевидно, статья будет опубликована тоже числа 17-го. Но со мной второй раз за два дня случился казус: кровь из носу. Я там отлежался и прошло, но Сашура забеспокоилась и звонила Влад<имиру> Мих<айловичу> – дескать, не выпускать меня из дому.

Мне все-таки придется изменить судьбу этого лета! Никаких Риг, никаких кораблей, а спокойно жить на Пахре. Ничего не поделаешь. Кровь из носу – сама по себе, наверно, чепуха, но симптом усталости мозга, а он, то есть мозг, это ж всё, чем я богат. Написал письмо Первомайскому.

10 июля

Что случилось на Пахре за эти пять дней? – Я искал, ждал и не находил, не дозвался Зои. То, что осталось от нее, существует как вещные и вечные доказательства того, что она была и что ее больше нет. Но внутри меня Зоя была, есть и будет пока длится жизнь.

Я нашел много старых своих стихов, чтобы включить их в книгу, всего более двухсот строк. Многое переделал в них; одна часть войдет в «Сказки», другая – в «Раннее». Завтра буду печатать всё это.

11 июля

С утра перепечатал все стихи, привезенные с Пахры, и отвез в «Сов. пис», а заодно пролистал там свой «Дневник читателя» и кое-что в нем исправил. Он сильно обескровлен в части о Заболоцком. После чего обедал с Ник<олаем> Ник<ифоровичем> в ЦДЛ. Вернувшись, ещё занялся стихами. Вечером пришла Сашура, прочёл ей много стихов; как будто одобрила. Материал в «Комс. правде» пошёл почти без правки.

12 июля

Рано утром, прямо с поезда, явился интервьюер из Ленинградской «Смены» Лев Сидоровский и записал на магнитофон мою беседу о Маяковском. Что получилось, судить не могу, ибо он боялся, что у него батарейки сядут. Сейчас он отправился к Шкловскому за тем же самым. Я звонил в «Неделю», говорил с Авдеенко: он обещает, что моя статья о Рождественском появится в этом месяце. Отправил письмо В. Орлову. <...>

16 июля

Узнал, что в изд<ательст>ве «Современник» получают сигнал моей книжки сегодня-завтра; что в «Неделе» Корнилов обещал двинуть статью еще в июле. Наконец, дозвонившись в «Комс. правду», напал сразу на Сашуру и узнал от нее,

что статья моя напечатана уже вчера. Нашел вчерашний номер и прочел что получилось. Очень суконны редакционные вставки! Тут уж ничего не поделаешь. Слава богу, статья вышла большая, чуть меньше половины газетной полосы.

Около 7 ч. веч. пришла Сашура и снова длинный ее рассказ о бедах и обидах и в ВКШ и в редакции. Все это истинная правда и характерно вообще для современной соответствующей среды. У Сашуры характер крутой, и потому, несмотря на хорошие намерения, она может попадать в невыносимые положения.

Я перепечатал еще стихи для «Ночного смотра», среди них «Вариант Фауста», который, оказывается, был напечатан в 1966 г. в «Лит. Грузии». Кажется, я нашел выход: сделал его неуязвимым для нападков. С «Котом в басне» дело обстоит труднее, но попытка не грех. Вообще же, книга растет и растет.

17 июля

День пустой, за исключением прихода Сашуры. Было много звонков – моих и ко мне. Написал письма: Мазуркину, Гольдичам, В. Каверину, Гр. Абашидзе; кое-что заново отпечатал для книги. Сашура принесла всякие ягоды с базара. Я настоял водку на черной смородине. Еще и еще раз: день пустой.

18 июля

Говорил по телефону с Диной. Йонас уезжает завтра в Тюмень. Говорил со Щербаковым: он сам позвонил, подтвердил приглашение на 23-е, на вечер Маяковского в ВКШ. Я напомнил ему его обещание (известно, какое) – он уверяет, что попробует сегодня же предпринять какие-то шаги... Позже позвонил и сообщил что откладывает эти переговоры на завтра. То есть следует предполагать, что он совсем ничего не сделает для Сашуры. Сигнал книжки лежит на столе в «Современнике», но ехать за ним уже поздно.

19 июля

С утра поехал в изд-во «Современник» и получил сигнал книжки. С виду она приличная и подбор стихов укомплектован в нечто вполне пристойное и разное. Внешний вид хорош. Портрет ужасен. Иллюстрации никакие, одноцветные. Есть и пластинка. Оттуда поехал на Ленинский проспект в «Варну»: купил два блока ТУ-134 и три пачки «Нептуна». В «Лавке писателей» заказал 50 экз. книжки. Дома написал разные письма.

Ночью мне снился отчего-то запомнившийся в подробностях сон. Все его участники давным-давно умерли. Куза ищет меня, чтобы я предпринял какие-то действия, – дескать, Лиля Шик перевела с французского нечто недопустимое.²⁷ Мой отец почему-то обо мне беспокоится в связи с этим и я должен позвонить ему и успокоить его, но телефона не знаю. Все время подразумевается, что Зоя рядом и принимает участие во всем, но остается во сне неназванной, только подразумеваемой, как часть меня самого. Проснулся, пытаюсь понять смысл сна, долго не мог уснуть. Читал Ануйля часов до 4-х.

20 июля

Звонили с Пахры: больна воспалением легких Наталья Николаевна, моя первая жена. Она старше меня на год. Положение серьезное. Беспомощная Кипса сейчас одна с матерью и Денисом. Катю и Милу невозможно поймать по телефону. А ведь обеим решительно надо быть там!

Я позвонил В. Росельсу, по счастью, застал его и он отвезет Кипсе нужные для Натальи Николаевны лекарства. А я не столько потому, что действительно занят, сколько вообще не хочу быть там. Никаких чувств, никакой связи с прошлым у меня уже давно нет. А после того, как не стало Зои, эта пустота выросла вдесятеро. Значит, глупый сон что-то значил.

21 июля

Утром, как обещал, ровно в 10 ч. пришел В. Фогельсон и взял все новое для рукописи книги; он же довез меня до сберкассы и привез домой уже с пенсией. Около 1-го часу дня был в СП на выставке Маяковского. Она действительно прекрасна. Потом вместе с Сашурой смотрели в ЦДЛ фильм. Это типичный французский полудетектив-полупошлятина, и вывод: всякая политика – невылазная грязь. Потом мы вместе обедали. Подсели Сережа Антонов²⁸ и Николай Тарасов. Неожиданное явление: Лиля Брик.

С Сашурой мы в троллейбусе приехали домой. Только что звонили с Пахры: Наталье Николаевне лучше, уже ходит по участку, собирает грибы. Значит, беда миновала.

22 июля

Сашура с утра уже успела съездить на рынок и привезла уйму всякой снеди для сегодняшнего пира. А я успел переписать начисто две странички для орловской газеты в честь 30-летия освобождения Орла. Как только переписал, постучался парень и взял этот материал, которым очень доволен. Так начался день – пасмурный, сырой и сулящий одни только дожди.

Весь день с гостями, приглашенными Сашурой: философом Воскобойниковым и ее подружкой Натальей, с хозяйственными хлопотами, сидением за столом, коньяком и белым сухим. И всё освещено ее лицом и улыбкой. А потом звонок из Великих Лук, ее длинный и тяжелый разговор с братом, которого она имеет все основания не любить, презирать. Ее слезы... поза ничком на постели... И ее мужество, когда, помыв лицо и очухавшись, она вернулась, молодая, бодрая, и снова взяла в руки и ведение стола, и внимание всех, – такое не часто бывало в моей жизни.

Внезапный телефонный звонок: это жена Андреева-Кривича. Сегодня утром он умер. Только вчера получил от него новую его книгу, и вот как обернулось!.. Просьба жены написать некролог. Я тут же это сделал, ведь я был первым, обратившим внимание на его открытия в лермонтоведении.

23 июля

Я поехал в «Лит. Россию» и сдал некролог Банникову.

Около шести пришла машина из «Комс. правды» и мы с Сашей укатили в ее ВКШ на вечер, посвященный Маяковскому. Первого я увидел там Расула Гамзатова. Вечер в целом был обычный, как всегда в таких случаях, т. е. полный цитат поплоче и мыслей поплоче. И, честное слово, я не преувеличиваю, но единственный, кто вывез это тяжелое сооружение, был все-таки я. Да, я! Пожалуй, никогда еще мне так не аплодировали: за цитаты из Маяковского, за приветствие вьетнамцам, за мои собств. стихи.

Затем меня свели с первым секретарем ВЛКСМ Тяжельниковым. Необходимо было обратить его внимание на скверную атмосферу, которую кое-кто внутри ВКШ создал вокруг встреч с поэтами. На Сашуре это отразилось особенно тяжело: ее считают «заводилой». Много грязных сплетен и пошлости.

К вечеру появился военный из радио-редакции «Юность» и записал мое небольшое выступление о Маяковском. Он родной брат Анатолия Рыбакова.²⁹

1 августа

С утра в Гослите разговор с Сомовым о Белле, Фише и Глобе, а также о книге моих переводов «Восток – Запад». Сразу же оттуда на Пахру. Вручил вышедший IV-ый том своего собр. соч. Антонову и Н.И. Ильиной. Много шел дождь, так что поневоле сидел дома, у себя наверху, кое-что прочёл и перечёл. И вот в Москву. Со мною приехали Андрей и Катя. Андрей по своим делам, а Катя чтобы повидать свою тезку Катю Гердт, которая после автомобильной катастрофы очутилась в больнице с трещиной в черепе.

9 августа

Фурункул на указательном пальце, на этот раз – правой руки. Придется в поликлинику. История повторяется и уже не в первый раз.

Всю ночь была гроза, а днем беспросветно и пасмурно. С утра я в поликлинике на перевязке. Слава богу, фурункул маленький и лечение обходится мазями. Ник<олай> Павл<ович> сразу поехал на Пахру за Кипсой и Катей. Они были здесь к часу дня. Вместе обедали, чем бог послал. К вечеру снова гроза и проливной дождь. Они налетают внезапно, с порывистым ветром – и сразу лужи на полу, на столе. Катя и Кипса уехали по своим делам.

Весь день пытаюсь связаться с Тяжельниковым, но это не так легко: утром у него секретариат, потом он ушел обедать.

В «Неделе» стихи мои приняты «на ура» – вплоть до того, что решили платить по 3 рубля за строку.

12 августа

Вот оно, воскресенье Блока в Шахматове. Я с множеством спутников: Миндлиным и Тарасовым, с большим числом особей другого пола, за

исключением Сашуры, которая бог знает где, в Баку. День прошел, как должно и как иначе не могло пройти, т. е. я сделал все, что мог, чтобы было, как полагается, торжественно.

13 августа

С утра договорился с Тяжельниковым; он примет меня сегодня в 12:30.. Я немного волновался: как-никак решается судьба Сашуры. Но говорить с Тяжельниковым не пришлось: он вызван к Демичеву. Вместо него второй секретарь Матвеев и зав<едующий> отд<елом> пропаганды Буянов. Оба очень внимательно выслушали, но дали понять трудность всего процесса, его длительность. Это значит, что Сашуре придется все-таки ехать в Псков и ждать, пока здесь в Москве разберутся, т. е. узнают суждение о ней Щербакова, а кроме того запросят ее характеристику в ВКШ.

Заболел и уехал домой Владимир Мих<айлови>ч. Я совсем один. Влад. Мих. – хороший, безотказный человек и друг, но такой занудный и наводит на меня такую тоску, что одиночество (пока) кажется мне блаженством. Ник<олай> Павл<ович> разогрел обед.

Смотрел в программе «Время» то, что записали вчера в Шахматове, свое выступление. Ну и дряхлый же у меня вид!

14 августа

Спал здорово, правда, с помощью седуксена. Ровно в 9 ч. вскочил и тут же постучался Ник<олай> Никиф<орович>, который быстро сварил кашу и согрел кофе. Затем он поехал с моими часами в гарантийный ремонт на просп. Мира, где та же несусветная очередь, что вчера. Но он на Арбате в какой-то мастерской за полтора рубля привел часы мои в норму. Что значит практический человек!

В «Сов. писе» просматривал рукопись статьи о Пушкине, еще раз убедился в том, что она сырая, недодуманная, нестройная. Она требует серьезнейшей правки, даже просто сокращения. Много полной невнятицы, есть и повторы, есть ненужные случайные параллели. Словом, работа предстоит большая. Обедал в ЦДЛ с Ник<олаем> Никиф<оровичем>.

Читал книгу Эткинда, к-рую он прислал вчера. Это, как всегда у него, хорошо продумано, привлечен огромный материал. Речь идет о русских поэтических переводах от Ломоносова и Тредьяковского до Пушкина.

В «Правде» маленькая заметка о Шахматове. Ни в «Комс. правде» ни в «Веч. Москве» ничего нет.

День кончен. У меня уже зудят руки от желания писать – все равно что.

15 августа

Утром и потом, во вторую половину дня, отстукивал на машинке вещь, которую давно уже задумал и недавно на Пахре дописал. Названо: «Как это началось» – о моем поэтическом пути вплоть до «Робеспьера и Горгоны». На машинке это 9,5 страниц. Далее в «Сов. писе» дочитал до конца всю статью о Пушкине. В поликлинике сделали еще одну перевязку, но дело явно идет на лад. В «Неделе» получил 60 рублей за стихи. Обедал в ЦДЛ.

Вечером пришел Лесневский, я прочел ему «С чего началось» и два стихотворения из «Ночного смотра». Вот, кажется и все. Жду с трепетом завтрашнего дня. Без седуксена и сегодня не обошелся.

16 августа

Санька прилетела из Баку, с нею Валя. Обе черные, как галки. Саня привезла уйму всякого добра: яблоки, синенькие, грандиозные помидоры, виноград, груши, персики, – всего не перечтешь. Ее подруга думает, что её можно будет устроить работать помимо участия в этом деле всяких бонз из ЦК ВЛКСМ. Завтра это может выясниться. Какая бы ни была Сашура, ее присутствию рядом остается для меня благодеянием.

19 августа

Весь день освещен тем же солнцем, которое светит, но не греет. Поскольку мои красные деньки кончились, пора приниматься за дело и за ум. Мож^{<ет>} быть, действительно, как советовал Лесневский, надо продолжать написанное уже «Как это началось», т. е. свою творческую исповедь-автобиографию. Может быть, делать нечто совсем другое, например, писать о Тургеневе и Виардо. А может быть, что-нибудь третье, совсем неожиданное. Во всяком случае, с понедельника на целую неделю махну на Пахру и там с божьей помощью буду разминать мозги.

Моё одиночество с каждым годом становится все более ощутимым, ибо связи с потомством слабеют. Я – бремя для Кипсы, и мне самому тягостно общение с моей дочерью: она чужая мне в **главном**. Это все резче и яснее чувствуется. И я обязан дать себе отчет о происшедшем за эти страшные (именно страшные!) последние годы. Если есть и моя вина, то в чем именно эта вина, я не знаю. Могу только констатировать факт отчуждения. Никакими красивыми и смягчающими словами это не прикроешь.

Каждый день смотрю фильм³⁰ Юлиана Семенова – главным обр. потому, что играют очень хорошие актеры: Тихонов, Евстигнеев, Плятт, Табаков, Лановой... Содержание лихо закручено и дана широкая панорама: использовано множество старых кадров. Это дает перспективу времени и понимания исторических, не выдуманных персонажей.

27 августа

Целую неделю пробыл на Пахре, безвыходно сидел дома, у себя наверху, много спал, кое-что читал, писал то, что хотел писать. Все время и везде мерзну: и на Пахре и на ул. Щукина. Приехала Варвара, так что я не один в доме. <...>

От Володи Орлова письмо. Уже ответил. Вечером звонила Сашура из Пскова. В газете, как она говорит, все нормально. Продление прописки в ВКШ невозможно. Сашура надолго запряглась в Пскове и пока я не вижу выхода для неё и она тоже не видит. Многое она там уже написала и пишет ещё. Говорили о том как втягивается она в повседневную и безнадежную работу в газете.

12 сентября

Письмо от Сашуры из Новоржева. Командировка, одиночный, ужасный номер в гостинице, хочется есть, боится пойти в ресторан: как ещё там накормят... Настроение соответственное. Была Таня Калинина. Только что приехала из Коктебеля, коричневая и полная восторга от моря.

15 сентября

Утром письмо от В. Орлова, на к-рое тут же ответил. Днем получил экземпляр «Лит. России» и деньги там же. Отправил в Псков Сашуре 100 рублей телеграфом.

От Томаса Венцловы телеграмма: Наталья благополучно родила девочку.

16 сентября

Письмо от Сашуры из Пскова. Ее в редакции форменным образом затирают: не публикуют ее материал о Новоржеве, куда сами же командировали. Письмо горестное, рвется из Пскова куда угодно. Ответил длинным письмом.

Из Самарканда пришла вышедшая там книга «Труды Самаркандского университета» с первой же статьей профессора Арцева о моей книжке «Четвертое измерение». Статья дельная, но слишком ученая, и в то же время прозорливая: автор многое угадал в композиции книги. Написал ему благодарственный ответ.

18 сентября

День по-своему пестрый. Прежде всего я наконец-то дозвонился к Светлане Козловой в «Комс. правду». Светлана еще так и не говорила с главным редактором: тоже оказывается задача не из легких! Затем ко мне явился Соня Антокольский, несчастный, больной. Сегодня он уезжает в Ленинград, там ложится на операцию в легком. Дал ему 50 рублей. Следом неожиданно явился некто Веньямин Павлович Гилев, собирающий (в подражание Чуковскому) альбом автографов. Я нарисовала ему автопортрет и состряпала под ним стишки, чем очень ублагодотворил этого гостя.

А вечером Инна Заграевская. Надо заново написать статейку об ее книге «Кукольный дом». Обещал к завтраму это сделать. Кроме того, еще утром,

вставляя в большую статью о Пушкине несколько страниц из первого черновика об «Арапе Петра Великого», я обнаружил, что второй (чистый) черновик, с которого печатала машинистка, в высшей степени дефектен, я многое важное при переписке сам пропускал. Не могу понять, чем руководствовался. Просто неряшливо работал.

22 сентября

Звонили из Владимира. Еще несколько дней назад оттуда прислали широкоформатную афишу с портретом. Мне решительно придется ехать. Вечер будет в Коврове. До этого целый день во Владимире и очевидно, в Суздале.

Послезавтра мне предстоит сдача полностью законченного экземпляра «Пушкина». Сажу над этим уже третий день, зачеркиваю, исправляю.

24 сентября

Привел в надлежащий вид книгу «Ночной смотр». Надеялся было сегодня же в «Сов. писе» перенести всю новую правку, но, увы, редакция поэзии вся целиком на картошке, и мою рукопись там не могут найти.

Вечером была Наталья Банк, вернувшаяся из Коктебеля. Получил заказную бандероль с переводами Елены Юнгер, но ещё не представляю куда и кому их показать. Может быть, Поздняеву в «Знамя»?

1 октября

Лихорадка с ознобами и высокой температурой по вечерам. Была и больше 39°. Как будто прошло. Вернулся А. И. Бурштейн (лечащий врач из поликлиники Литфонда. – Сост.) и энергично лечил пенициллином. Сегодня был еще раз и продлил эти процедуры еще на 2 дня, а на 3-ий назначил рентген в поликлинике, на 4-ый – визит к урологу, видимо, на всякий случай. Конечно, никакой поездки во Владимир не было, все это пошло прахом

У меня на данный момент одна только забота и тревога – Пушкин – приведение хоть в какой-то порядок большой, громоздкой и путаной статьи. Но стоит взяться за дело, сразу руки опускаются: так хаотично выглядит это повествование, так мало в нем элементарной логики, такое отсутствие композиции. Пока я даже не могу точно определить, что именно следует оставить, что выкинуть, а главное, чего не знаю: что надо внести нового – такого, чтобы объединить написанное в нечто вразумительное и цельное. Кажется, что легче всё писать заново и сначала до конца. Но эта работа мне просто не по силам.

6 октября

Вчера в Лавке Писателей купил «День Поэзии» (4 экз.). Сегодня отправил Сашуре и Лидии Ждановой. Еще Сашуре – первый том Брюсова и книжку Юрия Казакова (она просила). Только что был в Вострякове у Зои. <...>

Сегодня утром пришел юноша из радио редакции и записал мои стихи из вьетнамского цикла о Чхен-Тхи-Ли, а заодно и «Калиостро».

10 октября

От Сашуры сразу два письма. Просит меня написать о Брюсове и о Пугачеве. Сделаю, как она просит. Уже ответил длинным письмом. Прочел очень занятную книжку Каверина, это отчасти автобиография, а еще портреты современников: Тынянов, Заболоцкий, Чуковский и др. Написано легко, изящно и свободно.

12 октября

Занёс Але Эфрон IV-ый том. Был у врача-уролога, к которому уже давно направил меня Анатолий Исаевич. Врач не нашел ничего ненормального. Процедуры осмотра весьма отвратительны.

Вечером был Игорь Кравченко, читал «Камчатские» свои стихи, мало интересные. Зато его рассказы о Камчатке и Командорских островах очень занимательны. Эткинд прислал книжку Журмунского об Ахматовой под его, эткиндовской редакцией. Ещё письмо от Арцева из Самарканда, автора статьи о «Четвертом измерении». Пишет, что намерен продолжить это исследование. Читаю со скуки рассказы О'Генри.

18 октября

Получил заказ из «Лит. России»: написать о документальном фильме Кармена, посвященном Чили. Сегодня же сделал это и уже из редакции прислали за материалом: четыре больших рукописных страницы. Звонили из правл<ения> РСФСР: Михалков взял на себя хлопоты об ассигновании в 7 тысяч для восстановления мемориала в Шахматове: дома и сада. Но процедура предстоит длиннейшая – всё это должно пройти через секретариат СП СССР.

Звонил Юра: предстоит юбилей Мейерхольда. Шостакович хочет писать реквием. Мне предложено сочинить слова для реквиема. Работа меня пугает: даже не представляю себе, что за стихи там могут звучать... Сажу дома. Работа каждый день сама приходит, без спроса и зова. Завтра предстоит встреча с редакторшей моей статьи о Пушкине. У нее какие-то возражения, касающиеся последней, петровской части.

20 октября

Вчерашняя встреча с редакторшей в «Сов. писе» (зовут ее Марина Яковлевна Санказова) еще раз показала мне воочию, что работы над Пушкиным не впрокорот! Время на нее у меня достаточно – до 10 ноября. В сущности, это больше чем надо.

Был еще у Завадского, получил от него книжку Бахтина с дарств. надписью. Разговор об юбилее Мейерхольда, которому исполняется в феврале сто

лет. <...> Итак, в эти дни Пушкин и Пушкин. Больше ни о чем не думать, не отвлекаться, даже не читать ничего, кроме нужного для Пушкина.

21 октября

Сегодня я должен был выступать в Политехническом музее, но отказался.

С утра кое-что сделал в «Пушкине». Звонила (совсем неожиданно) Таня Глушкова. Звонил Савва Головановский и вечером пришел. Он хорошо выглядит, здоровый, седой, с брюшком, красивый, как всегда. Трудная там у них обстановка. Впрочем, она трудна везде. Но на Украине осложнена обстоятельствами, что тянутся с 49-го года (С кампании космополитизма. – Сост.)

22 октября

Сегодня Вове исполнилось пятьдесят лет. Утром звонил Толя Миндлин, специально приехавший из Малеевки ради этого дня. Вечером он, успев до того зайти к Наталье Николаевне, пришел к нам в 7 ч. вечера и принес белые цветы, но увы! – очень плохо себя чувствовал (сердце) и быстро ушел.

Днем обедали с Таней Глушковой в ЦДЛ. К нам присоединился Игорь Кравченко. Таня мила, хвалится тем, что написала массу стихов, наверно, хороших. Это существо талантливое.

Зашел к Ильину и невольно заговорил о Сашуре, обо всем, что связано с её трудоустройством и пропиской в Москве. Он сразу понял трудность положения, обещал подумать и дня через два дать какой-нибудь хотя бы совет.

25 октября

Утром деловое письмо от Сашуры. Она просит выступить в ВКШ. Уже ответил и обещал. Обедал в ЦДЛ с Бажанами, Саввой и его сыном.

Продолжаю работать над «Пушкиным». Работы невпроворот. Звонили Йонас и Дина: хотят организовать мое выступление по телевидению на полчаса. Какие стихи выбрать, кого пригласить на помощь и подмогу, – всё это нуждается в размышлении.

27 октября

Сделал кое-что в «Пушкине». Утром был парень из Амурска – художник, скульптур по дереву. Много занятного. Прислал его Ахломов, фотограф из «Недели». Парень много снимал меня.

Звонил Йонас насчет передачи по телевидению. Она намечена на декабрь, а в середине ноября должен быть готов сценарий. Пришла скульпторша Кира Ракитина, давно уже начавшая лепить меня, много снимала в профиль, в три четверти, в анфас, даже с затылка.

Вечером моё выступление в ВКШ.

Кипса уезжает на Пахру, а у Кати вечером шумные гости. Варвара от них убегает.

13 ноября

Встреча в ЦДЛ с нашими телевизионщиками Диной и Йонасом. Они страшно торопят меня: всё должно быть записано на ленту в пределах ноября и возможно скорее. Читать мне придется от силы 20 минут. Остальное время – Лесневскому и Белле. Я предложил Завадского, если он сможет.

«Пушкина» я окончательно закончил и машинная рукопись уже в «Сов. писе». Малхазова получит ее сегодня же домой, а в пятницу мы назначим встречу уже в редакции. Дело с договором на «Ночной смотр» как будто движется. Нужна еще правка: что и где было опубликовано. Она делается.

15 ноября

Был художник, Кручин Алекс. Георг. делающий портреты писателей для особого, школьного издания альбомов. Один выпуск уже вышел. Художник мастеровит, грамотен, но портреты у него выходят прилизанные. Работает акварелью, быстро, ловит внешнее сходство, как фотограф. Меня старался всеми способами омолодить. Я противился этой тенденции как мог. Выбор очень странный: нет Пастернака, Эренбурга, Цветаевой, Булгакова, Андрея Платонова и еще многих, к-рые могли и должны быть. Слава Богу, хоть Анна Ахматова есть.

16 ноября

Звонил Каверин: выспрашивал подробно о нашей первой встрече в 1919 г., о портретах, которые видел тогда у меня. Был в «Сов. писе». Замечания редакторши Малхазовой дельные. Их немного и я безропотно все принял. Потом купил кое-что в Лавке писателей. Перепечатал всю статью для «Комс. правды». Послезавтра вечер Светлова. Ответил на письма: Сашуре, Зисельман, Лапето (об издании Брюсова).

18 ноября

Вечер Светлова прошел, по всей видимости, хорошо. Я сказал все, что приготовил. Потом говорили Паперный, Лебединская³¹, Рахилло³² (лучше всех), читали актеры. Через полтора часа я передал бразды правления Рахилло и спустился вниз, где меня уже ждали Л. Жданова с Виктором и Дина с Йонасом. Мы посидели за бутылкой коньяка, жалкими бутербродами с кофе и мирно распростились.

Написал новые стихи о Манон Леско. Надо писать о Брюсове (для Сашуры в Псков) и готовиться к выступлению о нем. Приходила грузинка Елена Кипсашвили из нового, открывающегося в Тбилиси, музея «Дружбы народов», снабдил ее множеством фотографий, свято обещала переснять и вернуть.

21 ноября

Умер Николай Ушаков. Раскрыл уже в середине дня «Лит. газету» и сразу увидел некролог. Это очень большая утрата. Подумать только – летом в Одессе мы так хорошо встретились, так горячо обнялись... И вот на тебе. Никто не знает ни дня ни часу. Умер на семьдесят пятом году жизни. А летом прекрасно выглядел, румяный, стройный, красивый. Сейчас собрал все его книжки, которые у меня нашлись и, увы! любимых своих, его ранних («Московская транжировка») так и не нашел.

22 ноября

Получил в магазине изд-ва «Современник» свои книжки: 56 экземпляров всего на 70 рублей. Послал Сашуре и Вл. Орлову. <...> Письмо от двоюродного брата из Ленинграда, просит помочь деньгами. Звонила Белла: 27-ого ее вечер с мимом Амарантовым³³ в театре Сатиры. Со мной пойдет Катя. Написал стихи о Манон Леско.

25 ноября

Отчего-то спал до 11 часов. Это очень редко случается. Кажется, в «Ночном смотре» выправил все, что надо. Завтра предстоит быть в редакции «Сов. писа», так что смогу внести в их экземпляр эти новые страницы. Предстоит и деньги получить за «День поэзии». Послезавтра утром придут Дина и Йонас со своей сложной аппаратурой.

5 декабря

У Кипсы обнаружилось несколько моих грампластинок и несколько экземпляров книги Левина, в их числе и та, к-рую он мне надписал. Отправил письма Сашуре (от которой уже давно нет никаких вестей) и Ростиславу Зассу.³⁴ Был Леонид Темин, я вручил ему книжку изд-ва «Современник» и свою пластинку. Должна прийти Лида Жданова, которая сегодня едет домой в Ригу. Машины, чтобы ее проводить, нет, ибо и Ник<олай> Павл<ович> и Ник<олай> Никиф<орович> сегодня гуляют со спиртным по случаю праздника (день Конституции в СССР. – Сост.), ничего не поделаешь.

Звонил К. Поздняеву домой, чтобы статью Вышеславского не печатали совсем. Он даже обрадовался, говорит, что Вышеславский и без нас организует прессу для себя. А в доме идет возня со швейной машинкой, которую Кипса недавно купила. Машинка немецкая, в ней другое исчисление вольт. Скорее всего она подходит на 225 вольт, т. е. для Пахры. В Москве ее не приладит и Вл<адимир> Мих<айлович>.

Звонил Юра (Ю.А.Завадский. – Сост.), очень тронут моим посланьем, но, слава богу, их торжество только в апреле! Значит, мой парад откладывается. Спокойной ночи...

6 декабря

Получил множество своих фотографий от парня, которого когда-то прислал мне Ахломов (из «Недели») и тут же ему ответил. Получил деньги в «Правде» (за сборник «Солидарность» со стихами о Вьетнаме) и в «Известиях» (за статью о пародии в «Вопросах литературы»). Перевел деньги Сашуре и своему двоюродному брату в Ленинграде. Когда вернулся домой, застал Володю Кузнецова, он ждал уже меня, ибо мы вчера условились на 3 часа.

Сразу три письма от Сашуры. <...> Напечатано ее интервью с Кавериним, и она молодец – точно и изящно изложила все, что он говорил. Написал ей ответ. Ещё письмо от Натальи Банк.

7 ноября

Получил приглашение (по телефону) от атташе Французского посольства по случаю выхода в «Прогрессе» сборника прозы «Национального Сопротивления», для которого я написал предисловие. Получил деньги из УАП – триста руб., сто дал Кипсе.

8 декабря

Утром звонила Дина. Договорились встретиться в ЦДЛ в 5 часов. Но они (она или Йонас) должны еще позвонить, и не звонят. Правда, наш телефон непрерывно занят.

Ответил на письмо Широкова и Эткинда. Написал письма Н. Банк и Зисельман. Написал Сашуре – в письме только стихи: два моих и одно Ушакова. Был Лев Левин, получил IV-ый том и быстро ушел.

Дина все-таки дозвонилась и мы втроем хорошо посидели в ЦДЛ. Дина – прелестное существо, 26 лет. Очень боится, что в случае чего Йонас ее убьет. Но, слава создателю, в моем случае ничья ревность не грозит такой расправой. В ЦДЛ интересная выставка о Муранове под Москвой, посв<ящённая> Тютчеву.

10 декабря

Леонид Первомайский скончался. Об этом утром сообщили из «Лит. России». Бондина просила написать некролог. Мой некролог уже послан, и Бондина звонила о получении. Договорились что о любом сокращении, если оно произойдет, она известит меня.

Нашел еще стихи для «Ночного смотра» – стихи самые что ни на есть подходящие для редакторов. Я о них и забыл. Это о гибели трех космонавтов и еще одно, хоть не связанное с ним, но примерно того же типа, а сверх того – «Жестокий романс», написанный бог знает когда для цикла «Из старых тетрадей». А вечером предстоит «dinner» у атташе по культуре при франц. Посольстве, несмотря на полдевятого вечера, – в связи с выходом книги в «Прогрессе». Её экземпляр увижу своими глазами на этом приеме. Хорошо бы, конечно, отнести

свою «Медную лиру», да вот где ее взять? Фамилия атташе Татищев – значит, русский, но знает ли он русский язык?

11 декабря

Вчерашнее посещение посольства было занятым. Много болтовни с перескакиванием с предмета на предмет. Речь ломанно русская и ломанно французская. Сам Татищев – милейшее существо и его жена тоже. Потом он подвез меня на своем Рено до дому.

Утром коротенькое письмо от Сашуры из Локни, т. е. из района. Письмо славное, но жалуется на глупую работу. Ответил Сашуре, а так же Вс. Рождественскому. Далее получил деньги в Гослите и 10 экз. книжки в «Современнике».

Днем спал и едва проснулся, входит Белла. Я подумал, что это еще во сне... С нею Эльдар и двое парней с целым ящиком спиртного. Один из этих спутников оказался сыном несчастного Кириша³⁵. Они немного посидели, опустошили пару бутылок старки и двинулись дальше.

Получил гранки со словом прощания из «Лит. России». К сожалению, это набрано так, что я едва мог прочесть текст – очень экономят место. Получил книгу Драбкиной «Кастальский ключ», о которой звонил Крон³⁶. Автор очень больна, и Крон просил быстро откликнуться, чтобы больная успела прочесть мой отзыв. Книга неожиданно о Пушкине. Это облегчает задачу, но куда же отдать отзыв? И в «Комсомольской правде» и в «Неделе» лежат мои статьи, а «Литературная Россия», наверно, не сможет так быстро снова дать мне место.

12 декабря

<...> В «Лит. газете» крохотное траурное извещение о смерти Леонида. Неужели они не могли ничего организовать посерьезнее? Странная это газета.

Вечером пришел Володя Орлов, пробыл недолго. У него осложнения с книгой «Между двух миров» – о поэтах начала века. Какие-то мелкие и нудные возражения Пузикова. Володя не возражает, но это задерживает книгу, одобрение, заключение договора и, значит, деньги, которые ему очень нужны.

13 декабря

Утром позвонил Томас Венцлова и я позвал его прийти вечером. У меня две публикации: в «Лит. России» о Леониде и в «Неделе» о Белле и Амарантове. <...>

Звонили из Политиздата: установить мое родство со скульптором Антокольским и когда я рассказал о точном (сложноватом) родстве, они решили просто объявить меня внуком.³⁷ Это для какого-то календаря, явно опаздывающего, потому что 130 лет со дня рождения Марка Матвеевича Антокольского было в этом году. Я предложил им напечатать мое стихотворение «Старый скульптор». Одобрили, приняли. Вечером был Томас Венцлова, недолго, говорили мы с ним поверхностно и мало внятно.

Звонила Кира из Лавки Писателей: у них во вторник будет моя книжка изд-ва «Современник». Звонила П.Лобачевская, режиссерша Беллы, и обрадовалась, что статья уже напечатана.

<Несколько листов дневника удалены>

Сегодня я сообразил, что сейчас само время движется с невероятной быстротой. Уже прошла вся первая половина декабря, подумать только! И как в сущности бесследно прошла она. Так недавно, казалось бы, мы были на вечере в Театре сатиры, и вот уже в «Неделе» статья об этом. И вот уже всё это забыто. Так недавно умер Леня Первомайский. Так недавно умер Ушаков. И еще, и еще то и это, разное и похожее, важное и пустое... А куда оно уходит, проваливается, не отмеченное мной в дневнике? Да и нужен ли мне этот дневник – тоже вопрос.

Никак не могу найти писем, полученных в декабре. Хорошо помню, что сложил их в отдельный конверт, уже полный. Куда же я мог засунуть?

Звонила Дина и, наверно, она с Йонасом тоже пойдут на вечер Брюсова.

17 декабря

Так и не поехал сегодня к Белле: решил, что надо готовиться к вечернему выступлению, да и дела нашлись. Сашура прислала 5 экземпляров номера «Космольской правды» от 13 дек<абря>, где напечатаны и ее материал и моя статейка о Брюсове. Послано все это 13-го же, дошло только сегодня. Она снова уезжает в район, уже другой – Потапово.

Для СП сделал список книг, вышедших у меня за трехлетие 1971-1973 а также короткий список наиболее заметных публикаций за это время. Начал статью о книге Драбкиной – т. е. о том, о чем договорился с Ал. Кроном.

Дина, милое существо, явилась вовремя, почти в 6 ч. веч. Мы успели попить чаю и пришла машина, чтобы отвезти на Петровку, в Дом Нарышкина.³⁸ Оказывается, есть такой – со сводами XVII века. Там состоялся вечер Брюсова. Шервинский³⁹, как и в прошлый раз, довольно бездарно открыл его, потом предоставил слово некоему деятелю лит<ературного> музея, который томительно долго и тоже бездарно говорил о «громадной культуре» Брюсова, а в чем она так и не сумел показать, рылся в своих бумажонках, ища нужные (ему, а не аудитории) цитаты. Слава Богу, закончил. Шервинский дал слово мне. Я воспользовался случаем и довольно едко оспаривал того оратора. Потом читал стихи самого Брюсова, как всегда, с шумными и дружными апл<одисментами> после каждого. Отвез Дину домой в Нагатино и вернулся к 9 ч. домой. Полдесятого позвонила Диночка – дескать, как доехал?.. Может случиться, что завтра будет просмотр на телевидении всего записанного.

18 декабря

В «Сов. писе» оставил последний кусок из своей статьи о Пушкине. В «Новом мире» пристроил переводы Лены Юнгер. Это все, что я сделал за день. Продолжаю статью о книге Драбкиной, приближаюсь к концу.

С утра перепечатал свою статью о книге Драбкиной. <...> В «Лит. России» Банников прочел, одобрил и обещал, что пойдет в новогоднем номере. Думал было захватить в Лавку писателей, но отложил на завтра.

19 декабря

В Лавке писателей взял 20 экз. своей книжки совсем в другом, худшем переплете, и еще два экземпляра «С Францией в сердце» – тот самый сборник, выход которого отмечался у атташе Татищева. В «Комс. правде» моя статья уже заслана в набор. Жду гранок. Вроде бы основательно сокращено. Но это меня не тревожит, пускай делают, что хотят.

Вечером явилась Белла, сильно на взводе, и с ней четыре парня, принесли бутылку вермута. Белла тут же стала хлестать прямо из бутылки, они за ней. Еле их выпроводил.

20 декабря

Весь день я дома, за исключением пятнадцатиминутной поездки за пенсией. В «Лит. России» в предновогоднем номере будет моя статья. Банников хочет все-таки пробить сочинение Ан. Миндлина в февральский номер, к празднику армии, хоть бы так! Пришло множество писем, частично ответил. Кажется, за день все.

25 декабря

Перепечатал несколько стихотворений в ответ на приглашение из редакции «Нового мира». Далее звонил к директору «Худ. лит-ры», выпросил экземпляр Булгакова. Обещан после Нов<ого> года. Получил 25 рублей в «Известиях» за статью о Белле и миме. Отправился в «Лит. Россию», где получил уже сверстанную статью о книге Драбкиной.

Заехал за Сашурой в гостиницу, вместе поехали в Лавку писателей, и она нашла там какие-то книги для себя. Оттуда в ЦДЛ – обедали. Подходили многие, среди них и Крон, прочитавший и одобривший статью, потом Субботин⁴⁰, коего мы привлекли писать для Сашуриной газеты в Пскове, поскольку он участвовал во взятии Пскова, Великих Лук, Невеля и т. д. Отвез Сашуру в гостиницу и вернулся домой в полседьмого вечера. На этом похождения дня закончены.

26 декабря

<...> А у меня в 2 ч. началось партсоборание с докладом секретаря Разумневича. В прениях до перерыва я выступил третьим и, судя по реакции аудитории, выступал хорошо. Как только начался перерыв, поехал к Сашуре и пообедал с нею, а к моменту голосования вернулся в ЦДЛ. Вот и весь день в схематическом разрезе. Прибавить нечего, разве только повторить: «Сашура, дай Бог тебе всегда оставаться самой собою».

28 декабря

День был трудноватый, пестрый, не ахти какой. В нужный час, ровно в три, приехал в «Науку и жизнь»: там была предварительная встреча Нов. года. Кроме меня из писателей Андронников и Данин. В это время Сашура съездила на Рижский вокзал за билетом. Вернулись потом с нею в гостиницу и тут же ей звонит подруга: дескать, есть в ГУМе туфли. Ник<олай> Ник<ифорович> отвез ее туда. Потом и Дина с Йонасом приехали в гостиницу, и там мы ужинали в номере и болтали. <...>

Я дико устал. К тому же Кипса злится и на меня, но больше – на Сашуру.

29 декабря

Сегодня и завтра навеки черные дни для меня. Забыть об этом, отвлечься от святой памяти немислимо. Да и зачем? Чтобы играть какую-то жалкую, двусмысленную роль с существом, годящимся мне во внучки? Ну уж нет! Новый год мы встретим вместе, а 1-го я провожу ее на Ленинградский вокзал и айда на Пахру. <...>

30 декабря

Предпоследний день года. Последний день жизни Зои, если можно его назвать днем. Это был день ее муки, измерить которую, никто не может. Понять глубину такого страдания кому подсилу? Она непоправимо кончалась и скончалась – одна, без меня, без близких, среди милосердных сестер и врачей, на V-ом этаже, в отделении реанимации. Так наступил канун 1969 года. Пять лет прошло. В Вострякове тихо, все мерзло. И рука Зои холодна как лед, такая же, как в гробу. Народу на кладбище мало.

31 декабря

Удивительно, как случилось, что этот блокнот заканчивается в самом конце года! Что же сказать на прощание блокноту? Большею частью я жил в беспокойстве из-за ерунды, причин было много. И если даже они, эти причины, были преувеличены или только казались важными, все равно жизнь не опровергала ни одной из моих тревог. А похвалиться могу только одной волей к работе. Она-то не подводила меня ни разу. Не подводила так же искренность: я никогда не лгал и выкладывал на бумагу то, что чувствовал.

Пять лет тому назад мы с Кипсой сначала в морге, потом в управлении кладбищ и еще в каких-то мрачных учреждениях. И горе еще не обозначилось во всей своей тяжести. Оно наступило гораздо позже. А в тот день был только шок, и его хватило чуть ли не до кладбища и ночных поминок. А что дальше – трудно восстановить. Была поэма, которую окончил в марте. Потом хлопоты о будущем памятнике, о книжке «Повесть временных лет»⁴¹... Как давно все это было!..

Комментарии

---

¹ Гладкая Лидия Дмитриевна (1934–?) – геофизик; в 1964 г. перешла на литературную и журналистскую работу: поэт, переводчик, публицист. Правозащитник малочисленных народов Крайнего Севера, Сибири, Дальнего Востока.

² Белинский Яков Львович (1909–1988) – поэт, переводчик, журналист; участник ВОВ (лит. сотр. политуправления фронта).

³ На ул. Беговой располагалась книжная база Союза Писателей.

⁴ Макаров Александр (1902-1965) – советский писатель и политический деятель; участник Гражданской и Второй мировой войны.

⁵ Вэнцлова, Томас (лит. *Tomas Venclova*; род. в 1937) – литовский поэт, переводчик, литературовед и правозащитник; сын литовского поэта Антанаса Венцловы (-). В 1977 году, во время визита в США по приглашению университета Беркли, указом Президиума Верховного Совета СССР Т. Венцлова был лишен советского гражданства. Почетный доктор шести университетов. С 2018 года снова живет в Литве.

⁶ Вышеславский, Леонид Николаевич (1914-2002) – поэт, переводчик, литературовед, педагог. Переводил украинских поэтов. С 1948 г. был главным редактором журнала «Советская Украина», позже переименованного в журнал «Радуга». Погиб при невыясненных обстоятельствах.

⁷ Некрасов Виктор Платонович (1911-1987) – архитектор, актер, театральный художник. Участник Великой Отечественной войны. В послевоенные годы занялся литературной и общественной деятельностью. Его повесть «В окопах Сталинграда» опубликованная в 1946 г. стала одной из первых правдивых книг о второй мировой войне, награждена Сталинской премией второй степени (1947), переведена на 36 языков и принесла автору мировую известность. В 1960-х становится правозащитником; в 1979 г. лишен советского гражданства. Последние годы жизни провел во Франции.

⁸ Авхледиани Елена Дмитриевна (1901-1975) – грузинская советская художница, график, театральный оформитель; была так же иллюстратором произведений Гюго, Сервантеса, Лонгфелло, и грузинской классики: Важи Пшавела, Ильи Чавчавадзе и др.

⁹ Кваша Игорь Владимирович (1933–2012) – актёр и режиссёр театра и кино, теле- и радиоведущий; народный артист РСФСР (1978); Миронов Андрей Александрович (фам. при рожд. Менакер; 1941–1987) – актёр театра и кино, артист эстрады, нар. арт. РСФСР (1980).

¹⁰ Завадский Евгений Юрьевич (1926-2006) – режиссер театра Моссовета, сын гл. режиссера т-ра Ю.А.Завадского и актрисы В.П. Марецкой.

¹¹ Глушаков Евгений Борисович (1947-) – по специальности ядерный физик; позже – поэт, драматург, литературовед и журналист.

¹² Наровчатов Сергей Сергеевич (1919-1981) – русский советский поэт, критик, журналист и политический деятель. Был участником советско-финской и Великой Отечественной войны. С 1971 года секретарь СП СССР и первый секретарь Московского отделения СП РСФСР, член Московского горкома КПСС, депутат Верховного Совета РСФСР.

---

¹³ Трухачёв Андрей Борисович (1912-1993), сын А.И.Цветаевой; архитектор, инженер-строитель. Был репрессирован по ст.110 – за контрреволюционную деятельность, дважды отбывал наказание, после освобождения жил в Казахстане; реабилитирован в 1973 г. В том же году А.И.Цветаева обратилась к правительству, а П.Г.А. – к руководству Союза Писателей с просьбой о предоставлении сыну жилплощади в Москве, городе его рождения, и их ходатайства были удовлетворены. В 1974 г. А.Б.Трухачёв получил для своей семьи двухкомнатную квартиру в московском районе Орехово-Борисово (Ореховый бул., д.10 корп.1 кв.312).

¹⁴ Ремизова Александра Исааковна (фам. при рожд. Кабакова; 1903–1989) – актриса, театральный режиссёр, педагог; нар. арт. РСФСР (1957).

¹⁵ «Вечерка» – бытовавшее сокращение названия газеты «Вечерняя Москва».

¹⁶ Рихтер Святослав Теофилович (1915–1997) – выдающийся пианист, лауреат множества премий, почётный доктор Страсбургского (1977) и Оксфордского (1992) университетов.

¹⁷ «Александров с кусками фильмов». – На юбилейном вечере в театре Моссовета выступал с поздравлением кинорежиссёр Григорий Васильевич Александров (1903–1983). Велась демонстрация отрывков из фильма («Весна» и др.), роли в котором исполняли Л.П. Орлова (1902–1975), Ф.И.Раневская (1896–1984) и Р.Я.Плятт (1908–1989), ведущие актёры театра Моссовета.

¹⁸ «Дидон и Энея» – опера английского композитора эпохи барокко Генри Пёрселла по поэме Вергилия «Энеида».

¹⁹ Книга В.Ф.Переверзев. *Ф.М. Достоевский. М.-Л., 1925.*

²⁰ Б.А.Ахмадулина ожидала рождения дочери. Много лет она не могла иметь детей и когда узнала, что беременна, из суеверия остерегалась обсуждать это с друзьями. Потому и Антокольский говорит о её предстоящих родах в завуалированной форме.

²¹ Верченко Юрий Николаевич (1930-1994) – зав. отделом культуры МГК КПСС, заткм – секретарь Союза Писателей СССР по оргвопросам.

²² «Он, сын П. С. Когана, считавшийся сыном Блока...» – Александр Петрович Кулешов (наст. фамилия Нолле, 1921-1990) – русский, советский писатель, журналист, спортивный комментатор; заслуженный работник культуры РСФСР. Существовали разные точки зрения относительно его родства с А.А.Блоком. Наиболее обстоятельно это описано в работе К.Азадовский. *«Таинственно – похож»: «Дети» Александра Блока.* <https://vezdaspb.ru/index.php?page=8&nput=1833>

²³ Бонецкий Константин Иосифович (1914 - ?) – издательский работник; в начале 1970-х заведовал редакцией литературоведения в ГОСЛИТе, был ответственным за издание мемуарной литературы.

²⁴ Мисявичус Йонас Витаутас (?–2009) – кинорежиссер-документалист, общественный деятель. Автор телепередач о жизни и творчестве ведущих советских поэтов; автор фильма «Брестское гетто», номинированного на премию «Оскар» в 1995 г. В число «последперестроечных» работ И.Мисявичуса вошли фильмы о И.Бродском, В.Аксенове, А.Приставкине, Р.Рождественском, академике А. Сахарове и др.

Йонас Мисявичус и его жена Дина Чупахина в те годы работали в литературно-драматической редакции телевидения и более, чем кто-либо в последние годы жизни

П.Г.А., сделали для сохранения памяти о поэте. Авторы нескольких телевизионных документальных передач о ПГА.

²⁵ Перевод П.Г.А. этого стихотворения Л.Арагона считается, по мнению специалистов, образцом поэтического перевода.

²⁶ «Варна» – специализированный московский магазин с товарами производства НР Болгарии.

²⁷ Куза и Лиля Шик – актёры, товарищи П.Г.А. по театральной студии Е.Б. Вахтангова.

²⁸ Антонов Сергей Петрович (1915–1995) – прозаик, литературный критик, драматург; по первой специальности инженер-строитель. Участник советско-финской войны и ВОВ.

²⁹ Рыбаков Анатолий Наумович (фам. при рожд. Аронов; 1911–1998) – прозаик, по первой специальности инженер транспорта. Репрессирован (1933), реабилитирован (1960). Участник ВОВ (служил в автомобильных частях). С 1991 г. почётный президент российского ПЕН-центра. Почётный доктор философии Тель-Авивского университета (1991).

³⁰ Речь идет о премьере телевизионного сериала «Семнадцать мгновений весны», поставленного режиссером Т.М.Лиозновой (1924-2011) на киностудии им. М.Горького.

³¹ Либединская Лидия Борисовна (наст. фамилия Толстая, 1921-2006) – прозаик, переводчица, мемуаристка.

³² Рахилло Иван Спиридонович (1904–1979) – прозаик, журналист; военный летчик. Участник Гражданской войны, во время ВОВ работал на авиационном заводе, после войны – спецкор Всесоюзного радио.

³³ Амарантов Борис Георгиевич (1940–1987) – советский артист оригинального жанра, актёр и режиссёр; лауреат международных конкурсов и фестивалей.

³⁴ Засс Ростислав Васильевич (1940–1999) – русский и украинский поэт, прозаик, публицист.

³⁵ Киршон Владимир Михайлович (1902–1938) – русский и советский писатель, публицист, драматург, поэт и журналист; один из секретарей РАППа, в начале 1930-х ответственный редактор журнала «Рост» и член редакционной коллегии журнала «Советский театр». Первый советский драматург, пьесы которого были поставлены на Западе: в США, Англии, Японии, Норвегии, Франции, Германии. В 1937 году арестован по обвинению в контрреволюционной деятельности и расстрелян; реабилитирован посмертно в 1955 г.

³⁶ Крон Александр Александрович (наст. фамилия *Крейн*, 1909 – 1983) – прозаик, драматург, педагог. В годы ВОВ был военным корреспондентом политуправления Балтийского флота.

³⁷ Будучи сыном двух племянников М.М.Антокольского, П.Г.А. приходился великому скульптору внучатым племянником.

³⁸ «... отвезти на Петровку в дом Нарышкина». – П.Г.А, судя по всему, ошибся. Дом Нарышкина – это архитектурный памятник, расположенный на Гоголевском бульваре (до 1924 г. – Пречистенский бул.). В XVIII – первой трети XIX в.в. дом принадлежал семье декабриста М.М.Нарышкина (1798-1863), от чего и произошло его название. В советское

время проведена реконструкция этого здания, но своды подвалов XVII века, о которых упоминает П.Г.А., были действительно сохранены. На Петровке же находился особняк, который во времена Петра I был во владении бояр Нарышкиных. Однако, в истории Москвы он известен как дом Губина.

³⁹ Шервинский Сергей Владимирович (1892-1991) – один из самых виртуозных советских поэтов-переводчиков. Переводил древне-греческую, древне-римскую, средне-вековую арабскую поэзию, поэзию Армении – как древнюю, так и современную. Его стихотворное переложение «Слова о полку Игореве» является одним из лучших (См. *Чуковский К. Искусство перевода. М.; Л., 1936. С.114*). Считал себя учеником В.Я. Брюсова.

⁴⁰ Василий Ефимович Субботин (1921-2015) – советский и российский писатель, поэт; участник Великой Отечественной войны. Ему принадлежит фраза, ставшая крылатой – «Павел Григорьевич, как санитар, на спине своей перетаскал с войны в литературу всё наше поколение военных поэтов».

⁴¹ *Павел Антокольский. Повесть временных лет. «Советский писатель». М., 1969.* В книгу вошли стихи, поэмы, пьеса, в которых автор рассказывает о своей юности, зрелости, любви и утрате. Книга посвящена памяти З.К. Бажановой (1902-1968).